

ОТЕЦ ЭЙДЕН

Эйра Фростер

18+

Эйра Фростер

Отец Эйден

<https://litres.ru/74485403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отец Эйден, молодой священник с изломанной душой, давно перестал верить в доброту людей и в собственное право на счастье. Леди Айлин, дочь лорда, врывается в его размеренную жизнь, не требуя ни благодарности, ни ответных чувств. Но прошлое Эйдена не отпускает: тени монастырских лет и могущественные враги жаждут его уничтожения. Чтобы спасти приют и друг друга, им придётся заключить союз, который может стать либо спасением, либо гибелью. Сможет ли человек, познавший только боль, чей опыт кричит: «Беги!», научиться доверять и любить прежде, чем тьма поглотит их обоих?

Содержание

Глава	4
Глава 1.	6
Глава 2.	18
Глава 3.	25
Глава 4.	31
Глава 5.	38
Глава 6.	44
Глава 7.	53
Глава 8.	61
Глава 9.	69
Глава 10.	74
Глава 11.	80
Глава 12.	86
Глава 13.	99
Глава 14.	104
Глава 15.	110
Глава 16.	114
Глава 17.	124
Глава 18.	131
Глава 19.	137
Глава 20.	144
Гл	150
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Эйра Фростер

Отец Эйден

Глава

Предупреждения для читателей

Книга содержит темы, которые могут быть травматичными или тяжёлыми для восприятия. Пожалуйста, позаботьтесь о своём состоянии.

Насилие и жестокость:

Сексуализированное насилие над ребёнком (без графических деталей)

Груминг, растление, абьюз, травля

Попытка изнасилования, сексуальное домогательство, принуждение

Физическое и психологическое насилие над детьми

Эмоциональное и психологическое насилие

Газлайтинг, манипуляции, шантаж

Похищение и одурманивание

Психическое здоровье:

ПТСР, панические атаки, диссоциация, флешбэки, кошмары

Самоповреждение

Суицидальные мысли и попытка самоубийства

Тяжёлая депрессия, чувство вины выжившего

Другое:

Смертная казнь (упоминание)

Беременность в результате принуждения/абыюза

Виктимблейминг

Религиозная травма, кризис веры

Сексуальный контент 18+

Важно:

Основная линия — исцеление, обретение доверия и любовь. Несмотря на мрачные темы, история имеет светлый финал.

Насилие не романтизируется и не оправдывается. Автор осуждает абыюз.

Если вам тяжело читать такие темы, пожалуйста, сделайте паузу или пропустите книгу.

Глава 1.

Колокол отзвонил к началу службы, и его низкий, протяжный гул ещё дрожал в утреннем воздухе, когда последние прихожане вошли под своды церкви Святой Маргариты. Она была невелика. Старая, сложенная из серого камня, с узкими стрельчатыми окнами, сквозь которые лился бледный свет. Внутри пахло воском, ладаном и вечной сыростью северных земель, которую не могли выгнать даже самые жаркие свечи.

Отец Эйден стоял у алтаря, перебирая чётки. Пальцы двигались машинально – привычный жест, который помогал ему сосредоточиться перед службой. Или хотя бы сделать вид, что он сосредоточен. На самом деле его мысли, как всегда, разбегались: он проверял, достаточно ли облаток для причастия, не забыл ли запереть ризницу, не прохудилась ли крыша над алтарём после вчерашнего дождя. И, бросая быстрые взгляды из-под растрёпанных темных волос, отмечал, кто из прихожан сегодня посетил службу.

Многие крестьяне пришли семьями и заняли задние ряды. Некоторые из них жертвовали церковному приюту часть своего урожая, иногда делились молоком или мясом с забоя скота. Самые добросердечные даже приносили детям поношенную, но целую и чистую одежду. Эйден был благодарен каждому.

Лорд Эдрик Харпер, высокий и прямой, с седыми волоса-

ми и тёплыми карими глазами, сидел на своей обычной скамье в первом ряду. Рядом с ним – леди Айлин, его младшая девятнадцатилетняя дочь. Сегодня она была в своём обычном «неприличном» виде: струящееся платье тёмно-зелёного шёлка, без корсета, с высоким воротом под горло. Волосы, тёмно-рыжие и выющиеся, были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. В волосах сияла тонкая диадема – единственная уступка украшениям. Она сидела, выпрямив спину, и смотрела прямо перед собой, не на алтарь, а куда-то в стену, словно мысли её были далеко.

Эйден знал этот взгляд. Она всегда так смотрела на службах. Не то, чтобы скучала, а скорее ждала, когда можно будет заняться чем-то полезным. За то время, что она ходила в церковь, он успел составить о ней некоторое представление. Она приходила не только ради молитвы. После службы она обычно отправлялась в приют, где работала на кухне или занималась с детьми. Она была единственной из знатных прихожанок, кто смотрел на него ровно, без подобострастия и без насмешки, просто как на человека. И это было настолько непривычно, что Эйден до сих пор не знал, как к этому относиться.

Чуть поодаль расположилась мисс Эмилия Хоторн, восемнадцатилетняя дочь купца, торгующего солью. Она оделась сегодня в небесно-голубое платье с глубоким декольте, которое она, входя в церковь, прикрыла кружевной шалью. Это был жест, призванный изобразить скромность. Золоти-

стые волосы были уложены в сложную причёску с живыми цветами – маленькими белыми розами. Она сидела с прямой спиной и опущенными глазами, но Эйден, бросая на неё короткие взгляды, замечал, как её губы чуть подрагивают не то в молитве, не то в предвкушении.

Эмилия Хоторн была загадкой иного рода. Первая красавица их маленького городка посещала церковь почти ежедневно, что само по себе было подозрительно – никто из знати не проявлял такого рвения. Она садилась на одну и ту же скамью, всегда в пределах его видимости, и смотрела на него. Долго. Пристально. Иногда она поправляла шаль, обнажая плечо, и её губы изгибались в лёгкой улыбке, словно она знала что-то, чего не знал он. Эйден не понимал, зачем она это делает. Сначала он думал, что это какая-то новая форма издевательства. Возможно, она ждёт, когда он смутится илиотреагирует, чтобы потом посмеяться над ним с подругами. Но шли недели, а насмешек не следовало. Она просто смотрела. Это его раздражало.

У дальней стены, в тени колонны, стоял лорд Кристофер Блэквуд. Он никогда не сидел. Он предпочитал стоять, прислонившись плечом к камню, скрестив руки на груди и чуть склонив голову набок. И всегда выбирал место так, чтобы видеть как алтарь, так и лица прихожан. Сегодня он был в тёмно-синем камзоле с серебряным шитьём – сдержанно, но явно дорого. Чёрные волосы идеально уложены, голубые глаза поблёскивали в полумраке.

Эйден знал Блэквуда достаточно, чтобы понимать: этот человек опасен. Не физически, хотя Кристофер был отличным мечником, а иначе. Он умел говорить так, что его слова звучали как комплимент, но оставляли после себя яд. Он умел улыбаться так, что его улыбка казалась искренней, но что-то в ней заставляло собеседника чувствовать себя неуютно. И он умел смотреть, подмечая каждую деталь, каждый недостаток, каждую слабость.

Кристофер действительно подмечал. Его взгляд скользил по залу, задерживаясь на лицах. Лорд Эдрик спокоен, как всегда, но иногда качает головой: возможно, думает о делах. Леди Айлин сидит с прямой спиной, смотрит в стену. Ей скучно. Она ждёт, когда служба закончится. Кристофер чуть улыбнулся. Ему нравилась эта женщина. Точнее, нравилась идея завоевать её. Она была единственной, кто не поддавался его обаянию, и это раздражало. И заводило.

Его взгляд переместился дальше. Мисс Хоторн. Слишком красивая для церкви. Она явно оделась не для Бога. Её внимание приковано к алтарю. Кристофер проследил за её взглядом и усмехнулся про себя. Интересно. Дочь купца положила глаз на священника. Забавно. Это можно будет использовать.

Недалеко от Эмили – мисс Маргарет Харпер, кухня леди Айлин, шестнадцати лет, в пастельно-розовом. Сидит очень прямо, не шевелясь. Рядом с ней, на почтительном расстоянии, Оливер Грейвз, сын ювелира. В кожаном фарту-

ке, с ожогами и ссадинами на руках. Он смотрит на Маргарет. Она не смотрит на него, но её щёки чуть розовее обычного. Кристофер мысленно сделал пометку. Это тоже может пригодиться.

Сам священник – отец Эйден. Кристофер смотрел на него дольше, чем на остальных. Молодой, примерно двадцати пяти лет. Худой, бледный, вечно сутулится. Непослушные волосы длиной до плеч. Говорит тихо, смотрит в пол. Но в нём есть что-то, что не даёт Кристоферу покоя. Какая-то скрытая сила. Или упрямство. Или и то, и другое. Священник никогда не отвечал на его колкости – он просто замолкал и смотрел в одну точку, и это молчание почему-то раздражало Кристофера больше, чем если бы он огрызнулся. Поэтому он не оставлял попыток.

Проповедь была не длинной, но проникновенной. Отец Эйден умел говорить так, чтобы тронуть сердца паствы. Пусть его голос был тихим, без лишних эмоций, но в словах всегда было что-то, находящее отклик в душе у каждого. Причастие прошло быстро, каждый прихожанин получил часть Святых Даров.

Служба закончилась. Все начали расходиться. Кристофер не двинулся с места, он продолжал стоять у колонны, наблюдая. Вот лорд Харпер с дочерью направились к алтарю. Вот мисс Хоторн, поправив шаль, двинулась за ними. Её походка была плавной, почти танцующей. Вот Маргарет и Оливер вышли вместе – она чуть впереди, он на полшага сзади. Они

не касались друг друга, но что-то в их позах, в том, как она чуть повернула голову, а он чуть ускорил шаг, говорило о большем.

Он оттолкнулся от колонны и направился к выходу. Сегодня ему больше нечего было здесь делать. Но информацию он собрал. А информация – это сила.

Лорд Эдрик подошёл к алтарю и обменялся с отцом Эйденем несколькими фразами о здоровье, о погоде, о протекающей крыше. Священник отвечал коротко, вежливо, глядя куда-то в область его левого плеча. Он не боялся лорда – тот никогда не насмехался над ним, никогда не унижал. Но привычка ждать подвоха была сильнее, чем доверие.

— Я хотел обсудить пожертвования на этот месяц, — сказал лорд. — Пройдёмте в ризницу?

— Да, милорд, — ответил Эйден.

— Отец, я схожу в приют. Гертруда одна не справляется с обедом на тридцать детей. Отец Эйден, вы проводите меня после разговора?

— Да, леди Айлин.

— Я тоже пойду с вами! — раздался мелодичный голос.

Эмилия возникла рядом, словно из воздуха. Шаль чуть сползла с плеча, обнажая ключицу, и она поправила её медленным, почти ленивым жестом. Её голубые глаза смотрели на Эйдена со смесью обожания и ожидания.

— Я так давно не была в приюте, — проворковала она. —

Мне хочется помочь. Дети – это так важно. Я умею готовить, знаете ли. Мой отец всегда говорит, что у меня талант ко всему, за что я берусь. А ещё я прекрасно лажу с малышами – они так ко мне тянутся. Наверное, чувствуют доброе сердце.

Эйден ничего не ответил. Он вспомнил прошлый раз, когда мисс Хоторн «помогала» в приюте. Это было около месяца назад. Она провела на кухне ровно десять минут, в течение которых успела порезать палец (не сильно, но достаточно, чтобы драматично ахнуть), а потом села в уголке и рассказывала детям, какие красивые у неё платья и как важно уметь подбирать аксессуары к нарядам. Дети слушали с недоумением. Гертруда потом полчаса ворчала, что благородные «помощницы» только мешают. Но сейчас Эмилия смотрела на него с таким энтузиазмом, что он просто кивнул.

Айлин бросила на Эмилию короткий взгляд. Она тоже помнила прошлый визит мисс Хоторн. Но она ничего не сказала, только чуть поджала губы.

— Что ж, — произнесла она ровным голосом, — раз Вы так хотите помочь, мисс Хоторн, на кухне как раз нужно начистить гору картошки. Мешок, примерно. Руки, конечно, испортите, но ради детей можно и потерпеть.

— О, я не боюсь испортить руки! — воскликнула Эмилия, просяив. — Работа делает женщину только краше. Мой отец всегда это говорит. И потом, у меня очень хорошая кожа – она быстро восстанавливается. Я вам завидую, леди Айлин, честное слово, Вы так много времени проводите в трудах,

и это так... благородно. Я бы тоже хотела, но у меня столько обязанностей по дому. Отец без меня как без рук. А сегодня я специально освободила день. Я подумала: «Эмилия, ты должна сделать что-то для других». И вот я здесь.

Айлин выслушала эту тираду с каменным лицом.

— Похвально, — сказала она. — Тогда пойдём вместе.

В ризнице лорд Эдрик достал из кожаного кошелья золотые монеты и положил их на стол. Эйден стоял, опустил глаза, и мысленно их пересчитывал. Сумма была немного больше обычной, видимо, лорд учёл протекающую крышу.

— Я слышал, Вы снова не спали всю ночь, — сказал лорд негромко. — Гертруда говорила, что Вы возились с больным мальчиком.

Эйден напрягся. Он не любил, когда о нём говорили за его спиной. Даже если это была Гертруда. Даже если это была правда.

— У Тимми была лихорадка, — ответил он. — Я не мог оставить его.

— Я не упрекаю Вас. Я просто хочу сказать, что, если Вам нужна помощь: лекарства, дополнительные руки, что угодно, Вы можете обратиться ко мне. Не обязательно всё тащить на себе.

Эйден вспомнил, как леди Айлин в прошлый раз принесла в приют целую корзину лекарственных трав и молча оставила на кухне, не требуя благодарности. Он тогда не знал, что с этим делать. Он ждал, что за этим последует просьба,

или упрёк, или насмешка. Но ничего не последовало. Это было... странно.

— Благодарю, милорд, — ответил он, и это прозвучало суше, чем он хотел. — Я справлюсь.

Лорд посмотрел на него долгим взглядом, но ничего не сказал. Он знал, что священник не попросит помощи. Но всё равно предлагал каждый месяц. И каждый раз получал один и тот же ответ. Он продолжал предлагать, надеясь, что однажды Эйден согласится.

Приют при церкви Святой Маргариты находился в двух кварталах. Старое каменное здание в два этажа, которое когда-то было складом, а теперь служило домом для трёх дюжин сирот. Вокруг раскинулся маленький участок земли, на котором стоял сарай, где хранились дрова и садовый инвентарь. Чуть поодаль росло несколько яблонь, рядом с которыми Эйден выращивал лечебные травы. Воздух на улице был свежим, наполненным запахом распускающейся черёмухи. Священник шёл быстро, чуть впереди, и полы его рясы развевались на ветру. Айлин шагала рядом, она привыкла к его темпу и не отставала. Эмилия семенила сзади, путаясь в юбках и аккуратно обходя лужи, оставшиеся после вчерашнего ливня.

— Какая у Вас быстрая походка, отец Эйден! — пропыхтела она. — Вы, наверное, очень занятой человек. Это так вдохновляет. Я тоже стараюсь быть энергичной, но в этом

платье так трудно ходить быстро. Но я не жалуясь. Красота требует жертв.

Эйден не ответил.

На кухне приюта их встретила Гертруда – невысокая полноватая женщина почтенного возраста, с красными от жары щеками и вечным тугим пучком на голове. Она окинула взглядом троицу и хмыкнула.

— Картошка, — сказала она, указывая на мешок в углу. — И лук. И морковь. И кто-то должен помешивать похлёбку, пока я буду разделывать мясо.

Айлин молча сняла диадему, положила её на подоконник и надела косынку. Закатала рукава. Эйден заметил этот уже привычный жест и что-то внутри него чуть расслабилось. На полвздоха, не больше. Она будет работать, а не издеваться. Как всегда.

Эмилия взяла нож и посмотрела на картофелину так, словно та была ядовитой змеей.

— О, я обычно не чищу картошку сама, — сказала она, — но это не проблема. Я быстро учусь. Вы даже не заметите, как я всё сделаю. Я вообще очень способная. Отец говорит, что я всё схватываю на лету. Ну, почти всё.

Айлин взяла у неё нож и картофелину.

— Вот так, — сказала она и быстро, несколькими точными движениями, очистила клубень. — Справитесь?

— Конечно! — Эмилия улыбнулась. — Это же просто картошка.

Айлин, тихо хмыкнув, взялась чистить лук.

Эйден стоял у плиты и помешивал похлёбку. Его спина была напряжена – он чувствовал присутствие обеих женщин спиной, слышал их голоса. Мысли его, как всегда в таких ситуациях, пытались разложить происходящее по полочкам.

Что здесь делает леди Айлин? Она приходит каждую неделю уже несколько месяцев. Первые несколько раз он ждал, что это закончится, что она устанет или найдёт более интересное занятие, или её отец запретит ей «пачкать руки». Но она продолжала приходить. Она сосредоточенно чистила овощи или мыла полы. Говорила с ним только по делу, но с Гертрудой иногда в полголоса переговаривалась о чём-то своём. Она не ждала похвалы или благодарности. Она просто делала. Зачем? Он не мог понять. Знатные люди не помогают просто так. За помощью всегда следует цена. Но леди Айлин ни разу не попросила ничего взамен. Это нервировало его больше, чем если бы она потребовала плату.

А мисс Хоторн? Она явно здесь не ради картошки. Эйден не был глуп – он замечал, как она смотрит на него. Но он не понимал, зачем. Он не был красив, не был богат, не был влиятелен. Он был священником и этого статуса явно не хватало, чтобы объяснить её интерес. Может быть, она играет в какую-то игру? Может быть, это пари с подругами – заставит ли она священника смутиться? Может быть, она просто развлекается? Он не знал. Но он знал, что красавицы вроде неё не смотрят на таких, как он, без причины.

— Ой! — воскликнула Эмилия. — Я порезалась! Нет, не сильно. Совсем чуть-чуть. Видите? Крови почти нет. Я не буду отвлекаться. Я же говорила, что я быстро учусь.

Айлин, не поднимая головы, протянула ей чистую тряпку.

— Прижмите, — сказала она. — И продолжайте. Картошка сама себя не почистит.

Эмилия прижала тряпку к пальцу и с мученическим вздохом взялась за следующую картофелину. Эйден продолжал помешивать похлёбку. Никто не насмеялся над ним. Никто не отпускал колкостей. И это разжигало его подозрительность.

Глава 2.

Похлёбка была готова. Густой аромат куриного бульона, овощей и трав наполнил кухню. Гертруда, проверив вкус, одобрительно кивнула и начала разливать варево по мискам.

— Детей пора кормить, — бросила она через плечо. — Леди Айлин, ты знаешь, где что лежит. Отец Эйден, помоги с хлебом. А Вы, мисс, — её взгляд остановился на Эмили, — понесёте миски. Только осторожно, не обожгитесь.

— Конечно, — пропела Эмилия, подхватывая стопку мисок. — Я очень осторожная. Очень. Можете на меня положиться. Я в детстве всегда помогала на кухне, правда-правда.

Айлин, проходившая мимо с подносом приборов, бросила на неё короткий взгляд, но ничего не сказала.

Общий зал приюта был полон детей. Тридцать с лишним человек: от малышей, едва научившихся ходить, до подростков, уже помогавших по хозяйству. Они сидели за длинными деревянными столами, и их лица оживлялись при виде еды. Эйден, раздавая хлеб, машинально отмечал, кто из детей выглядит хуже обычного. Вон у Мэри опять синяк под глазом — подралась с кем-то. У Ханса всё ещё влажный кашель, но уже лучше, чем вчера. У близнецов, как всегда, одинаково растрёпанные волосы и одинаково голодные глаза.

Эмилия раздавала миски с улыбкой, сопровождая каждое движение комментарием:

— Вот, держи, милый. Ах, какие у тебя глаза красивые! А ты, маленькая, почему такая грустная? Улыбнись, мир не так уж плох! Вот, возьми хлеба. Я сама его нарезала. Ну, то есть, я могла бы, если бы меня попросили. В следующий раз обязательно нарежу.

Дети смотрели на неё с недоумением. Они привыкли к Гертруде, которая говорила с ними так, будто была им родной бабушкой, и к отцу Эйдену, который обычно учил их чему-то, и всегда находил время, чтобы погладить по голове или поправить одеяло. Эта сияющая леди с цветами в волосах была для них чуждой.

Айлин работала молча. Она ставила миски, раздавала ложки, подтирала пролитую похлёбку. Один из младших мальчиков – Питер, лет пяти, с вечно сопливым носом, дёрнул её за рукав.

— Леди Айлин, а Вы сегодня будете рассказывать про звёзды?

— После обеда, — ответила она, и её голос потеплел. — Если съешь всё до конца.

— Я съем! — пообещал Питер и немедленно заработал ложкой.

Эйден заметил этот разговор и отвёл глаза. Он помнил, как в первый раз увидел леди Айлин в приюте. Она появилась около полугода назад – просто пришла с отцом, который осматривал здание перед тем, как выделить деньги на ремонт крыши. Эйден тогда ожидал, что она, как и другие знатные

дамы, походит по комнатам с брезгливым выражением лица, оставит небольшое пожертвование и уедет. Но она осталась. Сняла дорогие перчатки и начала мыть полы. Он до сих пор помнил своё изумление и свой страх. Он был уверен, что за этим последует какая-то насмешка, какой-то подвох. Но она просто мыла полы. А потом приходила снова и снова.

— Отец Эйден, — голос Гертруды вырвал его из размышлений. — Проверьте Тимми после еды. У него всё ещё жар.

— Конечно, — ответил он.

— Я могу помочь! — немедленно вставила Эмилия. — Я умею ухаживать за больными. У меня очень лёгкая рука. И я знаю травы: ромашка, мята, лаванда... В общем, те, которые пахнут.

Гертруда скептически посмотрела на неё, потом перевела глаза на Эйдена. В её взгляде читалось: «Делайте с ней что хотите, но на кухню больше не пускайте». Эйден едва заметно пожал плечами в ответ.

После обеда дети разбрелись по залу. Кто-то играл в углу с деревянными фигурками, кто-то просто сидел на лавках, перешёптываясь. Айлин, как и обещала, села в круг с младшими и начала рассказывать про звёзды. Она говорила просто, без излишней научности: про созвездия, про легенды северных народов о небесных огнях. Дети слушали, открыв рты. Питер привалился к её плечу и почти заснул.

Эмилия сидела в стороне, на лавке, и смотрела на эту сцену со сложным выражением лица. Ей хотелось быть в цен-

тре внимания, но она не знала, как это сделать. Рассказывать сказки она не умела. Играть с детьми было ниже её достоинства. Вместо этого она достала из сумочки маленькое зеркала и поправила причёску.

Эйден тем временем поднялся на второй этаж, в лечебницу – крошечную комнатку с тремя кроватями. Тимми, мальчик лет семи, лежал на дальней койке. Его лицо было покрыто лихорадочным румянцем и потом. Эйден сел рядом, положил ладонь на его лоб. Горячий. Пульс частый, но ровный.

— Опять жар, — сказал он.

Тимми грустно кивнул. Эйден помог ему приподняться и поднёс к губам кружку с отваром из липы, мяты и малины. Мальчик выпил и снова лёг, глядя на священника больными, но доверчивыми глазами.

— Отец Эйден, а Вы сегодня спали?

— Немного.

— Вы всегда говорите «немного». Это значит «нет».

Эйден не ответил. Он поправил одеяло и проверил повязку на руке Тимми – старая рана, которую мальчик получил ещё до приюта, заживала медленно, но верно.

— Спи, — сказал он. — Завтра тебе будет лучше.

— Вы всегда так говорите.

— Потому что это правда.

Тимми устало закрыл глаза. Эйден сидел рядом, глядя на него, пока мальчик не уснул.

В общем зале Айлин закончила рассказ и теперь собирала миски со столов. Эмилия, преисполненная желания помочь, пыталась подметать пол, но делала это так неуклюже, что поднимала тучи пыли. Айлин забрала у неё веник без единого слова и продолжила мести сама.

— Я просто хотела помочь, — сказала Эмилия с лёгкой обидой в голосе. — Почему Вы мне не даёте?

— Потому что после Вашей помощи мне придётся мести заново, — ровно ответила Айлин. — Лучше займите детей. Расскажите им что-нибудь.

— О! — Эмилия просияла. — Я знаю много историй! Дети, идите сюда! Я расскажу вам про бал, на котором я была в прошлом месяце. Там были такие платья! Такие танцы! Вы даже представить себе не можете!

Дети подошли больше из вежливости, чем из интереса. Эмилия начала рассказывать, обильно жестикулируя и описывая каждую деталь своего платья.

Когда работа была закончена, а дети уложены на послеобеденный сон, трое взрослых вышли из приюта. Эмилия, утомлённая трудами, шла чуть позади и почти не разговаривала — редкое для неё состояние. У ворот церкви она попрощалась и направилась к ожидавшему её экипажу.

Айлин задержалась. Она стояла у калитки, поправляя диадему в волосах.

— Леди Айлин, — произнёс Эйден.

Она обернулась. Её лицо было спокойным, но вниматель-

ным.

— Да, отец Эйден?

Он помедлил. Вопрос, который он собирался задать, был не из тех, что задают священники прихожанкам. Но он должен был знать. Он устал гадать, устал ждать подвоха, который всё не наступал.

— Почему Вы приходите? — спросил он. Его голос прозвучал тихо, но отчётливо. — Почему вы помогаете? Вы — дочь лорда. У Вас есть всё. Вы не обязаны чистить овощи и мыть полы в приюте. Вы не получаете от этого ни благодарности, ни выгоды. Так зачем?

Айлин удивлённо посмотрела на него. Он ожидал, что она ответит что-то о долге, о милосердии, о спасении души. Что-то, что сказала бы любая знатная дама на её месте.

— Потому что я могу, — ответила она. — Потому что это нужно. И потому что я не вижу причин не делать этого.

— Но есть другие способы помогать. Вы могли бы просто присылать деньги. Вам не обязательно приходить лично.

— Деньги — это легко, — сказала она. — Приходить — труднее. Особенно в такое место. Особенно когда на тебя смотрят и ждут, когда ты уйдёшь. — Она помолчала. — Я знаю, что Вы ждёте этого. Я не знаю, почему, отец Эйден. Но я прихожу не для того, чтобы что-то получить, а потому что считаю это правильным. И потому что мне нравятся эти дети.

Эйден молчал. Её слова звучали просто, но в них была

какая-то непонятная ему цельность. Он не мог найти в них скрытого смысла, потому что его не было. И это его пугало.

— Я не привык к такому, — сказал он наконец.

— Я делаю это не для Вас, а для детей, — ответила она.

— Поэтому я продолжу приходить.

Она коротко кивнула ему и направилась к своему экипажу. Эйден остался стоять у калитки, глядя ей вслед.

Глава 3.

Эйден не перестал ждать подвоха. Её простой прямой ответ насторожил его ещё сильнее. «Потому что я могу. Потому что это нужно». Слишком гладко. Как отрепетированная фраза, которую она приготовила заранее, зная, что он когда-нибудь спросит.

«Она ждала этого вопроса, — думал он. — И подготовила ответ, который звучит идеально. Слишком идеально, чтобы быть правдой».

Леди Айлин снова пришла в приют. Она сидела за столом и чистила морковку. Её пальцы двигались быстро и точно — сноровка, выработанная месяцами практики. Она не смотрела на него. Она вообще редко на него смотрела, когда работала. Это тоже было подозрительно. Большинство знатных дам, приходивших в приют, постоянно искали его взгляда — проверяли, заметил ли он их старания, оценил ли их жертву. Айлин, казалось, не нуждалась в его одобрении. Она просто делала своё дело.

«Что ты скрываешь? — мысленно спрашивал он, глядя на неё исподтишка. — В чём твоя игра? Ты дочь лорда. У тебя есть всё. Ты не обязана быть здесь. Ты не получаешь от этого ни денег, ни статуса, ни даже благодарности. И тебе, кажется, на неё плевать. Так зачем? Что тебе на самом деле нужно?»

Он прокручивал в голове все возможные варианты. Мо-

жет быть, она хочет доказать отцу свою самостоятельность? Может быть, она пытается завоевать расположение церкви для каких-то политических целей? Может быть, она ищет информацию о приюте, о пожертвованиях, о нём самом? Может быть, она шпионит для кого-то? Для Блэквуда? Эта мысль была особенно неприятной. Блэквуд был способен на многое, и использовать дочь лорда как пешку в своей игре вполне в его духе.

«Или, может быть, — продолжал он размышлять, — она просто развлекается. Как другие знатные дамы, которые заводят себе «любимого бедняка», чтобы чувствовать себя добродетельными. Только её развлечение — не один человек, а целый приют. Приют и его священник. Это объясняло бы её постоянство. Она не уходит, потому что игра ещё не наскучила ей».

Он помешивал похлёбку и чувствовал, как внутри нарастает привычное напряжение. Оно было почти уютным, как старая рана, которая болит, но хотя бы болит знакомо.

В последнее воскресенье апреля церковь была полна. Лорд Эдрик сидел на своей обычной скамье, Айлин рядом с ним, в тёмно-синем платье с разрезом, с диадемой в волосах. Мисс Хоторн, на это раз в бледно-розовом наряде, кокетливо накручивала локон на палец. Лорд Блэквуд лениво стоял у своей колонны, внимательно оглядывая пришедших.

Эйден вёл службу и наблюдал. Он заметил, как Блэквуд

подошёл к мисс Хоторн после службы. Она заулыбалась, закивала. Блэквуд склонился к ней чуть ближе, чем позволяли приличия, и она не отстранилась. Что-то в этой сцене заставило его насторожиться. Блэквуд редко делал что-то без причины. Если он проявлял внимание к дочери купца, значит, у него был на неё какой-то план. И этот план почти наверняка включал в себя игру против кого-то ещё.

После службы он ушёл в ризницу, чтобы пересчитать пожертвования. Сумма была обычной: несколько золотых от лорда, мелочь от прихожан, небольшой пакет с монетами от гильдии купцов. Он записывал цифры в книгу учёта, когда дверь приоткрылась и в щель просунулась голова леди Маргарет.

— Отец Эйден, — сказала она, запинаясь. — Я хотела спросить... можно мне взять несколько свечей? Для дома. Я заплачу.

— Берите, — ответил он, не поднимая головы. — Деньги положите в ящик.

— Спасибо. — Она взяла свечи, но не уходила. Мялась у двери, переступая с ноги на ногу. Потом, решившись, спросила: — Отец Эйден, как Вы думаете, грешен ли человек, если он... если он любит не того, кого следует?

Эйден поднял голову. Маргарет смотрела на него с отчаянной надеждой, и он вдруг понял, о ком она говорит. О сыне ювелира. Об Оливере Грейвзе, который стоял в церкви каждое воскресенье и смотрел на неё так, словно она была

солнцем.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Я не разбираюсь в таких вещах.

— Но Вы же священник!

— Это не значит, что я знаю ответы на все вопросы. — Он помолчал. — Но, если Вы любите кого-то, и этот кто-то любит Вас, и Вы не причиняете никому вреда... я не вижу в этом греха.

Маргарет выдохнула, словно сбросила с плеч огромную тяжесть.

— Спасибо, отец Эйден, — прошептала она и выскользнула за дверь.

Эйден остался один. Он смотрел на закрытую дверь и думал. «Я не разбираюсь в таких вещах». Это была правда. Он не разбирался в любви. Он никогда не позволял себе думать о ней. Это было запрещено его прошлым, его страхом. Любовь означала уязвимость. Уязвимость означала боль. А боли в его жизни и без этого было достаточно.

Вечером, после ужина в приюте, Эйден и Айлин сидели на скамейке у входа. Она пила травяной чай. Он просто сидел, глядя на звёзды. Молчание между ними было почти привычным. Весенний ветер нёс в себе обещание тепла.

— Вы сегодня были рассеяны, — сказала она. — На службе. И здесь тоже.

Эйден напрягся. Он не хотел, чтобы кто-то замечал его

состояние. Это давало другим оружие против него.

— Ничего особенного, — ответил он сухо. — Думал о делах приюта.

Она кивнула и не стала расспрашивать. И это тоже было подозрительно. Почему она не давит? Почему не пытается выведать, что с ним? Может быть, ей не нужно спрашивать, может быть, она уже знает? Может быть, она следит за ним? Может быть, Блэквуд докладывает ей?

«Ты параноик», — сказал он себе. Но привычка ждать худшего была его единственной защитой. Без неё он бы давно сломался.

— Завтра привезут доски для ремонта сарая, — сказала Айлин. — Я приду помочь с разгрузкой.

— Вам не обязательно.

— Я знаю. Я хочу.

Она всегда так говорила. «Я хочу». Не «я должна», не «это мой долг», не «Господь велел». «Я хочу». Это звучало как вызов. Как утверждение силы, а не смирения.

«Ты хочешь, — думал Эйден, глядя ей вслед, когда она уходила. — Ты всегда говоришь, что хочешь. Но чего ты хочешь на самом деле? Что ты получишь от всего этого? И когда ты наконец назовёшь свою цену?»

Она ушла, и он остался один. Сидел на скамейке, смотрел на звёзды, и мысли его снова крутились по одному и тому же кругу, как белка в колесе. Недоверие. Подозрение. Это было привычно. Это было знакомо. Это было его единственной

защитой. И он не собирался от неё отказываться.

Глава 4.

Доски привезли рано утром. Телега, запряжённая парой ломовых лошадей, с трудом протиснулась в узкий проулок и остановилась у задней стены приюта. Возница, щуплый седой старик, с вечно мокрой от пота бородой, спрыгнул на землю и начал отвязывать верёвки.

— Двадцать досок, — буркнул он. — Тяжёлые, сволочи. Вам помочь с разгрузкой, отец?

— Я помогу, — раздался голос за спиной Эйдена.

Он обернулся. Леди Айлин стояла у калитки: бриджи, высокие ботинки, простая рубашка с закатанными до локтей рукавами. На плечи накинута лёгкий плащ. Волосы убраны в тугую косу. Она выглядела так, словно собиралась не доски разгружать, а на тренировку по фехтованию.

— Леди Айлин, это не женская работа, — начал возница, но осёкся под её взглядом.

— Я знаю, что не женская, — ответила она, скидывая плащ на скамейку и берясь за край доски. — Беритесь за другой конец.

Доски действительно были тяжёлыми. Свежераспиленные, ещё пахнущие смолой. Они работали молча. Возница, видя, что помощь не требуется, отошёл в сторону и закурил трубку.

Дети, игравшие во дворе, заметили телегу и немедленно

прибежали. Гертруда попыталась загнать их обратно в дом, но трое мальчишек всё равно крутились рядом, с восторгом глядя на гору досок. Среди них был Питер – тот самый пятилетний мальчик, который всегда просил леди Айлин рассказать про звёзды.

— Леди Айлин, а можно я посмотрю? — спросил он, подбегая ближе.

— Отойди, Питер, — сказала она, не оборачиваясь. — Это опасно.

— Я просто посмотрю!

— Отойди. Ты можешь пострадать.

Она произнесла это ровным голосом, но в нём прозвучала сталь, и мальчик послушно отступил. Но недалеко. Он спрятался за углом сарая и продолжил наблюдать.

Эйден и Айлин взялись за очередную доску – одну из самых тяжёлых, широкую, с неровным краем. Они уже почти донесли её до штабеля, когда верёвка, которой возница небрежно закрепил остальные доски на телеге, соскользнула. Груда накренилась. Раздался глухой скрежет дерева о дерево.

— Держи! — крикнул возница, но было поздно.

Эйден успел заметить движение краем глаза. Он бросил свой конец доски и рванулся вперёд, но поскользнулся на мокрой траве. Две доски сорвались с телеги и полетели вниз – прямо туда, где стоял Питер, из любопытства вновь вышедший из своего укрытия. Айлин оказалась быстрее. Она мет-

нулась к мальчику, схватила его и прижала к себе, закрывая своим телом. Доски обрушились на них. Одна ударила её по плечу, вторая, скользя, проехала по спине, сдирая ткань рубашки и кожу.

На мгновение во дворе повисла тишина. Потом Питер громко, испуганно заплакал, захлёбываясь слезами. Эйден добежал до них и опустился на колени. Айлин всё ещё держала мальчика, прижимая его к груди. Её лицо было бледным и взволнованным.

— Вы ранены, — сказал Эйден, и его голос прозвучал глухо.

— Ничего серьёзного, — сдавленно ответила она. — Проверьте Питера.

— Сначала Вы.

— Я сказала — проверьте Питера!

Эйден, помедлив мгновение, осмотрел мальчика. Тот был цел, только напуган и весь в слезах, но без единой царапины.

— Ты в порядке, — сказал Эйден Питеру, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — Ты не ранен. Леди Айлин тебя защитила.

— Мне не больно! — всхлипывал Питер. — Я испугался!

— Это нормально, — ответил Эйден. — Это пройдёт. Посиди здесь.

Он повернулся к Айлин. Она сидела на земле, придерживая рукой плечо. Ткань рубашки была разорвана и уже пропиталась кровью. И, судя по тому, как морщилась она при

движении, лопатка тоже была повреждена.

— Встать можете? — спросил он. — Нужно пройти в лечебницу обработать раны.

— Могу.

Она поднялась без его помощи, хотя он и протянул руку. Питера она взяла за плечо и повела в дом, на ходу тихо говоря ему что-то успокаивающее. Мальчик постепенно переставал плакать, но всё ещё цеплялся за её руку.

В лечебнице Эйден усадил её на стул и начал собирать инструменты. Его руки двигались быстро и точно, сказывалась многолетняя практика. Он срезал остатки рукава, обнажая плечо, и на мгновение замер. Раны были неглубокими, но обширными — кожа содрана почти по всей лопатке и по части плеча, в нескольких местах торчали занозы. Кровь частично уже начала подсыхать, образуя тёмную корку.

— Нужно вытащить занозы и промыть, — сказал он. — Будет больно.

— Я знаю, — ответила она. — Делайте.

Он работал молча. Пинцетом вытаскивал занозы. Одну за другой, аккуратно, стараясь не причинять лишней боли. Потом промыл рану разведённой спиртовой настойкой календулы. Она сильно жгла, но Айлин сидела неподвижно, слегка морщась и иногда шумно втягивая носом воздух.

— Почему вам всё равно? — спросил он, не глядя на неё.

— Что именно?

— Ваша рана. Вы даже не посмотрели на неё. Вы больше

беспокоились о Питере.

Она помолчала. Потом ответила коротко, без интонации:
— Я привыкла к боли. А ребёнок важнее моих царапин.

Эйден замер с бинтом в руке. Он хотел спросить ещё, но какая-то глухая, запертая на замок тяжесть в её голосе, остановила его. Он знал этот голос. Он сам так говорил, когда кто-то пытался лезть в его прошлое.

Он закончил перевязку. Айлин встала, проверила, как двигается рука, и направилась обратно во двор. Питер, всё ещё всхлипывающий, ждал её у дверей. Она опустилась перед ним на колени, здоровая рука легла на его плечо.

— Всё в порядке, — мягко сказала она. — Главное ты цел. А я заживу. У меня такое уже бывало. Понял?

— Понял, — прошептал он.

— Тогда иди к Гертруде. Она даст тебе молока с мёдом.

Питер ушёл, а Эйден остался стоять у дверей лечебницы. Он смотрел на Айлин, на её перевязанное плечо и спокойное лицо. «Я привыкла к боли». Что это значит? Что с ней делали?

Он не знал. И она явно не собиралась объяснять.

Только они спустились вниз, как дверь отворилась, и в приют всплыла мисс Хоторн. Она была в светло-жёлтом платье с оборками и держала в руках корзинку с чем-то, завернутым в кружевную салфетку.

— О, я как раз шла мимо! — проворковала она. — Решила занести детям пирожных. А что здесь произошло? По-

чему леди Айлин в таком виде? Что с Вашим плечом? Это кровь? О боже!

— Доски упали, — коротко ответила Айлин.

— Доски! — Эмилия всплеснула руками, едва не выронив корзинку. — Вы разгружали доски? Сама? Леди Айлин, это же немыслимо! Благородная дама не должна заниматься такой работой. Это удел простолюдинов. Вы могли серьёзно пострадать! Вы и так пострадали! О, я знала, что этим кончится! Я всегда говорила, что Ваше поведение до добра не доведёт. Если бы Вы, как я или леди Маргарет, занимались тем, чем положено женщине Вашего статуса: вышиванием, музыкой, с Вами бы ничего не случилось. Но Вы вечно лезете куда-то, где вам не место. И вот результат.

Айлин повернулась к ней. Её лицо было абсолютно спокойным.

— Мисс Хоторн, — сказала она ровным голосом. — Если бы я занималась вышиванием, пятилетний ребёнок сейчас лежал бы с проломленным черепом. Я предпочитаю быть на том месте, которое определяю сама. А теперь, если Вы закончили, у Вас в корзинке пирожные. Дети в общем зале. Отнесите им.

Эмилия открыла рот, закрыла и, поджав губы, направилась в зал. Проходя мимо Эйдена, она бросила на него взгляд, в котором читалось: «Видите, с кем мне приходится иметь дело?» Он сделал вид, что не заметил.

Вечером, когда работа была закончена, а дети накормлены и уложены, они разошлись.

Эйден сидел в своей комнатухе, глядя на пламя свечи. В голове крутились обрывки дня: грохот падающих досок, крик Питера, спокойный голос Айлин, её слова «я привыкла к боли». Он не мог отделаться от мысли, что в этой женщине скрыто что-то, чего он не понимает. Она была как запертая дверь – он слышал эхо за ней, но не видел, что внутри. Это пугало его и одновременно разжигало любопытство.

Айлин ехала в экипаже, глядя на мелькающие за окном огни. Раны болели, но эта боль была знакомой. Она думала о том, что Питер цел. Всё остальное – ерунда. Она не хотела объяснять Эйдену, почему привыкла к боли. Это была не его забота. И вообще ничья.

Эмилия сидела у себя в спальне перед зеркалом и расчёсывала волосы. Её переполняло праведное возмущение. Ле-ди Айлин снова выставила её в дурном свете: перед священником, перед детьми, перед этим грубым возницей. Это было невыносимо. И то, что священник смотрел на Айлин с каким-то странным выражением, не с восхищением, а скорее с напряжённым вниманием, бесило её ещё больше. «Ничего, — сказала она своему отражению. — Лорд Блэквуд обещал пригласить меня на свой следующий бал. Я буду там блистать. И посмотрим, кто тогда будет в центре внимания».

Глава 5.

Вечером того же дня, когда Айлин вернулась домой, отец ждал её в кабинете. Он сидел за массивным дубовым столом, заваленным бумагами: отчёты управляющих, налоговые ведомости, письма из столицы. Увидев дочь, он немедленно отложил перо. Его взгляд упал на повязку, выглядывавшую из-под разрезанного рукава.

— Что случилось? — спросил он, и его голос прозвучал ровно, но Айлин слишком хорошо знала отца, чтобы не заметить тревогу в уголках его глаз.

— Доски упали с телеги, — ответила она, садясь в кресло напротив. — Я закрыла ребёнка. Ничего серьёзного — содрана кожа, пара заноз. Отец Эйден уже обработал.

— Ты закрыла ребёнка, — повторил лорд Эдрик, вздыхая. — Собой.

— А что мне оставалось? Смотреть, как его придавит?

— Ты могла пострадать сильнее.

— Но не пострадала. — Она пожала здоровым плечом. — Питер цел. Это главное.

Лорд Эдрик долго смотрел на дочь.

— Знаешь, — сказал он наконец, откидываясь на спинку кресла, — когда ты была маленькой и лазала по деревьям, твоя мать говорила: «Она когда-нибудь свернёт себе шею». А я отвечал: «Нет, она просто научится падать правильно».

Ты научилась.

— Ты научил меня, — поправила она.

— Я научил тебя фехтовать. Падать ты научилась сама. — Он помолчал. — Я горжусь тобой. Ты знаешь это?

— Знаю, — ответила она. — Ты говоришь это каждый раз, когда я делаю что-то безрассудное.

— Потому что каждый раз, когда ты делаешь что-то безрассудное, ты делаешь это ради других. А это, Айлин, не безрассудство. Это храбрость. Но я всё равно за тебя волнуюсь.

Она встала, подошла к отцу и поцеловала его в лоб. От него пахло сандаловым деревом и старым пергаментом — запах детства.

— Я знаю. Спокойной ночи, папа.

— Спокойной ночи. И, пожалуйста, дай плечу зажить, прежде чем снова бросаться под доски. Я пришлю к тебе лекаря.

— Постараюсь.

В последующие дни Айлин, как обычно, приходила в приют. С перевязанными ранами, с чуть скованной левой рукой. Готовить она не могла — Гертруда решительно выставила её из кухни, заявив, что «одноруких помощниц ей только не хватало». Поэтому Айлин занималась тем, что могла делать сидя: проверяла уроки у старших детей, читала младшим книжки, учила их считать на камешках.

Эйден наблюдал за ней. Она сидела на скамейке в общем

зале, окружённая детьми, с книгой на коленях, и её спокойный ровный голос разносился по залу. Дети слушали. Даже самые непоседливые, которые обычно не могли усидеть на месте и пяти минут, притихали, когда она читала.

Она не жаловалась, не просила поправок, не упоминала о том, что ранена. Она просто делала то, что могла, одной рукой. Медленнее, чем обычно, но всё равно тщательно. Когда кто-то из детей случайно задевал её больное плечо, она только чуть сжимала зубы и продолжала.

«Почему? — думал Эйден, глядя на неё. — Почему ты не сидишь дома? Почему не отдыхаешь? Почему тебе так важно быть здесь?»

Он не задавал этих вопросов вслух. Но они крутились в его голове, как заезженная пластинка, и ответа на них не было. Только подозрения: смутные, неоформленные, но оттого не менее навязчивые.

Одним вечером, когда солнце уже клонилось к закату, а дети заканчивали ужин, во двор приюта вошёл человек.

Это был господин Барроу — местный суконщик, человек средних лет с вечно недовольной гримасой на лице цвета сырого теста. Он держал в руках объёмный свёрток, перевязанный бечёвкой. Одет он был в добротный, но старомодный камзол, который явно знал лучшие времена.

— Отец Эйден! — окликнул он, останавливаясь у крыльца. — Я принёс отрез сукна. Брат из гильдии жертвует при-

юту. На зимнюю одежду для детей.

Эйден вышел на крыльцо. Он знал Барроу. Тот никогда не упускал случая напомнить священнику о его месте. Пожертвования от гильдии были регулярными, но каждый раз сопровождались унижительными комментариями о том, как «церковь обирает честных торговцев».

— Благодарю, господин Барроу, — сказал Эйден, принимая свёрток. — Это очень щедрый дар. Дети будут Вам благодарны.

— Благодарны? — Барроу хмыкнул. — Мне не нужна благодарность сирот. Мне нужно, чтобы гильдия видела, что я выполняю свой долг перед обществом. Хотя, признаться, я не понимаю, зачем мы содержим этот рассадник бездельников. Эти дети всё равно никогда не станут полезными членами общества. Большинство из них кончит на виселице или в канаве. А Вы, святой отец, только поощряете их лень.

Эйден стиснул зубы. Его пальцы, державшие свёрток, чуть дрогнули, но голос остался ровным.

— Я поощряю их учиться и работать, — ответил он. — Многие из них уже помогают по хозяйству, а старшие осваивают ремёсла. Что касается их будущего — оно в руках Господа, а не в моих. Я лишь делаю то, что могу.

— «В руках Господа», — передразнил Барроу. — Вечно вы, священники, прячетесь за этими словами. А на деле — просто нахлебники на шее у честных людей. Вы, отец Эйден, не лучше этих сирот. Такой же бесполезный.

Эйден ничего не ответил. Он стоял на крыльце, сжимая свёрток, и смотрел, как Барроу, развернувшись, уходит прочь. Его спина была прямой, но внутри всё дрожало. Не от страха, а от глухого, застарелого гнева, который он никогда не позволял себе выплеснуть. «Бесполезный». Это слово задело его сильнее, чем он хотел бы признать. Оно эхом отозвалось в голове голосами всех, кто когда-либо унижал его.

Он повернулся, чтобы войти в дом, и увидел Айлин. Она сидела у окна в общем зале, замерев с книгой в руке, и смотрела прямо на него. Их глаза встретились, и в её взгляде он увидел что-то, что заставило его замереть. Не жалость — он ненавидел жалость и сразу бы её распознал. Скорее... понимание? Она всё слышала.

Айлин опустила глаза и вернулась к книге, как будто ничего не произошло.

Но Эйден знал, что она заметила. И от этого его паранойя вспыхнула с новой силой.

«Она всё слышала, — думал он, проходя в здание. — Она слышала, как дрожал мой голос. Она видела, как я стоял и молча терпел. Что она теперь думает? Что я жалок? Что я беспомощен? Что я не могу постоять за себя? Или... она будет использовать это против меня?»

Он закрыл дверь своей комнаты и привалился к ней спиной. Сердце колотилось. Мысли путались. Он сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Привычная боль помогла немного успокоиться. Но тревога никуда не ушла. Она

просто затаилась, готовая вспыхнуть при следующей встрече.

«Я должен быть осторожнее, — сказал он себе. — Я должен быть ещё осторожнее. Особенно с ней».

Айлин снова уткнулась в книгу, но слова расплывались перед глазами. Она слышала этот разговор, как дрожал голос отца Эйдена, когда он отвечал Барроу, как этот напыщенный суконщик называл его бесполезным. И видела, как священник стоял на крыльце — прямой, но дрожащий, словно натянутая струна.

Она ничего не сказала. Потому что знала: такие люди, как отец Эйден, не принимают сочувствия. Оно для них как соль на рану. Он бы только сильнее закрылся, сильнее отдалился. Но она запомнила.

Она перевернула страницу, сделала вид, что читает. Дети вокруг неё тихо играли. Всё было как обычно. Но где-то глубоко внутри неё поселилась мысль, которую она не стала анализировать, только отметила краем сознания: «Он не слабый. Он просто привык терпеть».

Глава 6.

Приглашение пришло ранним утром. Гонец, молодой парнишка в ливрее Харперов, доставил его лично в руки отцу Эйдену, когда тот заканчивал утреннюю молитву. Письмо было написано рукой лорда Эдрика: сухой, чёткий почерк, без лишних завитушек. Лорд сообщал, что его средняя дочь, леди Кэтрин, благополучно родила сына и они с мужем прибывают в поместье через три дня. «Мы были бы почтены, если бы Вы согласились провести обряд крещения», — говорилось в письме. И ниже, припиской, явно добавленной позже: «Вы, разумеется, приглашены остаться на семейный ужин после церемонии. Никаких формальностей».

Эйден перечитал письмо дважды. Потом сложил его и убрал в карман рясы. Приглашение на семейный ужин. Без формальностей. Обычно его звали на мероприятия, чтобы было над кем поиздеваться. Отказаться он не мог: крещение было его прямой обязанностью. И отказать лорду Харперу, главному благодетелю прихода, было бы невыносимо.

— Я приду, — сказал он гонцу.

Тот кивнул и ускакал, а Эйден остался стоять на пороге церкви, глядя ему вслед и чувствуя, как внутри снова нарастает напряжение.

В день крестин он оделся тщательнее обычного. Чёрная ряса была вычищена и отглажена. За этим проследила Гер-

труда, которая ворчала, что «священник не должен выглядеть как огородное пугало на таком важном событии». Чётки он сменил на парадные, с серебряным крестом – подарок предыдущего настоятеля, уехавшего на юг с супругой, лечить её подорванное здоровье. Волосы, вечно падавшие на глаза, он убрал в аккуратный хвост, хотя несколько прядей всё равно выбивались и обрамляли лицо. Эйден посмотрел на себя в маленькое зеркало и остался недоволен. Худое, бледное лицо, тёмные круги под глазами, шрам на подбородке. Он выглядел как человек, который не спал несколько ночей. Что, впрочем, было правдой.

Экипаж, присланный лордом, ждал его у ворот приюта. Эйден сел в него с тем же чувством, с каким, наверное, садятся в лодку, плывущую по неизвестной реке: не знаешь, что ждёт впереди, но выбора нет.

Поместье Харперов находилось в получасе езды от города. У ворот пышной белой пеной цвёл боярышник. Войдя на территорию, Эйден увидел старый, но ухоженный дом из серого камня, увитый плющом. Вокруг него раскинулся сад. Не вычурный, без фонтанов и мраморных статуй. Уютный, почти деревенский: яблони, аккуратные клумбы, грядки с травами, старая беседка, окруженная цветущими кустами сирени. Эйден невольно отметил, что сад напоминает ему приютский огород, только больше и ухоженнее.

У входа его встретил сам лорд Эдрик. Он был одет не в официальный камзол, а в простой тёмно-зелёный сюртук,

явно домашний, удобный. Его лицо, обычно сохранявшее на публике выражение спокойной сдержанности, сейчас светилось тихой, нескрываемой радостью.

— Отец Эйден! — он пожал священнику руку, крепко, по-дружески. — Рад, что Вы смогли приехать. Кэтрин уже ждёт. Мальчик здоровый, крепкий, орёт как пожарный колокол. Весь в деда.

Эйден не нашёлся, что ответить на такой тон. Он просто кивнул и последовал за лордом в дом.

Внутри поместье оказалось таким же, как снаружи: уютным, обжитым, без кричащей роскоши. На стенах висели не вычурные гобелены, а простые, но красивые пейзажи — местные виды, написанные, судя по любительской манере, кем-то из членов семьи. В углу гостиной стоял старый клавесин, на котором лежали раскрытые ноты. На каминной полке — портреты в рамках: лорд с покойной женой, дети в разном возрасте, семейный портрет, сделанный, видимо, несколько лет назад. Эйден скользнул по этим деталям взглядом и почувствовал странный укол где-то под рёбрами. Он не сразу понял, что это. Зависть? Нет. Скорее, ощущение чужеродности. Он смотрел на картины, на ноты, на букет сирени в простой вазе, и чувствовал себя так, словно попал в чужой мир. Мир, где люди живут по-другому. Где они любят друг друга без условий. Где они собираются вместе не для того, чтобы унижать, а для того, чтобы радоваться.

В гостиной все уже собрались. Леди Кэтрин, старшая сест-

ра Айлин, высокая, светловолосая, с мягкими чертами лица и усталыми, но счастливыми глазами, сидела в кресле у камина, держа на руках завёрнутого в белое одеяльце младенца. Рядом стоял Михаэль, её муж. Молодой человек с открытым, приятным лицом и военной выправкой, наследник соседского лорда. Он держал жену за плечо и смотрел на сына с тем особым, чуть растерянным обожанием, которое бывает у молодых отцов.

Айлин стояла у окна в простом тёмно-бордовом платье, с волосами, небрежно заплетёнными в свободную косу, и с нежностью смотрела на сестру. Увидев её такой: домашней, с лёгкой искренней улыбкой, Эйден на мгновение замешкался. Она выглядела... иначе. Мягче. Свободнее. Живее.

Она заметила его взгляд и коротко, почти незаметно кивнула.

В углу на диване, сидела мисс Маргарет с родителями. Её мать Розалин, худая женщина с поджатыми губами, что-то тихо выговаривала мужу. Тот, явно уже успевший приложиться к бутылке, отмахивался. Сама Маргарет выглядела бледной и напряжённой.

— Отец Эйден! — Кэтрин поднялась ему навстречу с младенцем на руках. — Спасибо, что приехали. Это наш Николас. Николас, это отец Эйден. Он сегодня сделает тебя полноправным членом Церкви.

Эйден посмотрел на младенца. Тот спал, причмокивая губами. Маленькое, сморщенное личико, покрытое лёгким

пушком. Совершенно незащитное. Совершенно не подзревающее о том, в какой мир оно пришло.

— Хороший мальчик, — сказал Эйден и сам удивился тому, как тепло прозвучал его голос.

Церемония прошла в маленькой домашней часовне — уютной комнате с витражным окном, изображающим Святую Маргариту. Эйден проводил обряд медленно, тщательно, стараясь не думать о том, что на него смотрят. Вода в купели была тёплой. Об этом позаботилась Айлин, которая сама принесла кувшин с подогретой водой, когда заметила, что приготовленная остыла. Младенец, вопреки опасениям, не закричал, когда вода коснулась его пухлого тельца. Он только сморщился и чихнул, вызвав улыбки у всех присутствующих.

— Да благословит тебя Господь, Николас, — произнёс Эйден, осеняя младенца крестом. — Да будет твоя жизнь долгой и счастливой.

После церемонии лорд Эдрик пригласил его за стол. Именно так, как обещал в письме: без формальностей.

— Вы останетесь, отец Эйден, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Никаких «мне нужно в уют». Гертруда справится без вас один вечер. Сегодня Вы — почётный гость нашей семьи.

"Гость нашей семьи". Эти слова резанули Эйдена острее, чем любое оскорбление. Он стоял в дверях столовой, глядя на накрытый стол, на расставленные приборы, на домашнюю

еду — не вычурные блюда, а простой, сытный ужин: запечённое мясо, овощи, свежий хлеб, и не мог заставить себя сделать шаг. Его место было не здесь. Его место было в приюте, в маленькой тёмной комнатушке, в холодной церкви, где уютно, только не за этим столом, среди этих людей.

— Спасибо, — выдавил он наконец и сел на свободный стул, стараясь занимать как можно меньше места.

Ужин проходил в той особой, непринуждённой атмосфере, которую могут создать только близкие люди. Лорд Эдрик шутил с зятем, обсуждая военные новости. Кэтрин, смеясь, рассказывала о том, как маленький Николас не давал ей спать всю прошлую ночь, и как муж пытался помочь, но в итоге уснул раньше младенца. Айлин молча ела, но время от времени вставляла короткие, остроумные замечания. Младший брат лорда Эдрика, отец Маргарет, уже изрядно выпивший, попытался отпустить колкость в адрес священника:

— А что, святой отец, Вы, наверное, нечасто бываете в такой компании? Всё больше с сиротами да с нищими?

Эйден заметил, как лорд бросил на него быстрый взгляд, словно проверяя, не задел ли его выпад родственника. И в этом взгляде Эйден не увидел ни насмешки, ни превосходства. Только заботу.

Лорд Эдрик немедленно осадил брата коротко, но жёстко:

— Грегор, ты сегодня перебрал. Либо ешь молча, либо иди проспись.

— А ты бы не перебрал, если бы твоя дочь связалась с

нищесбродом? — он возмущённо вскинул глаза на брата и стукнул кулаком по столу. — Сын какого-то ювелира, без титула, без влияния!

Маргарет при этих словах покраснела и сжалась, будто ожидая удара.

— Единственное, что меня волнует в будущем зяте — хороший ли он человек и как относится к моей дочери, — Эдрик нежно взял Айлин за руку. — Я доверяю своим детям и их выбору.

Грегор фыркнул и замолчал, уткнувшись в тарелку. Розалин перевела разговор на младенца и молодую мать, и напряжение за столом рассеялось.

К концу ужина Эйден поймал себя на том, что почти расслабился. Его плечи всё ещё были напряжены, а пальцы под столом до боли сжимали чётки, но он слушал разговоры, и что-то внутри него начало медленно оттаивать.

Когда пришло время уходить, лорд Эдрик проводил его до дверей.

— Спасибо, отец Эйден, — сказал он. — За церемонию, за всё, что Вы делаете для приюта. И за то, что были сегодня с нами.

Эйден хотел ответить что-то формальное, но слова застряли в горле. Он просто кивнул и вышел в ночь.

Экипаж довёз его до приюта. Он вошёл в свою каморку, запер дверь, сел на пол у стены. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, издал звук. Не плач. Не стон. Глубокий, гор-

танный, звериный вой, который вырвался из самой глубины его существа и заполнил комнату. Он выл, зажимая рот рукой, раскачиваясь вперёд-назад, чувствуя, как горячие, злые слёзы текут по щекам.

«У них есть это, — думал он. — У них есть семья. У них есть тепло. Они смотрят друг на друга так, словно каждый из них — ценность. Даже их ссоры и недопонимания пропитаны этими невозможными тёплыми семейными узами. Они зовут меня за стол и говорят: «Вы сегодня гость нашей семьи». Они не понимают. Они не понимают, что я никогда... у меня никогда...»

Он не мог закончить мысль. Воспоминания нахлынули разом: холодная келья в монастыре, голод, отец Исайя, его руки, его голос. Деревенский друг, Робби, который сначала улыбался ему, а потом бил камнями. Вдова, которая заперла дверь и требовала отплатить за её заботу. Десятки, сотни людей, которые смотрели на него с презрением, насмешкой или похотью, но никогда — с любовью.

«Я не такой, как они, — вертелись его горькие, как полынь мысли. — Я не могу сидеть за их столом. Я не могу быть частью чьей-то семьи. Я сломан. Я грязный. Я — то, что от меня осталось после всего, что со мной сделали. Я никогда не смогу... никогда...»

Он не помнил, сколько времени просидел на полу. Когда вой стих, он остался лежать, свернувшись калачиком, обесиленный, опустошённый, но странно спокойный. Впервые

за долгое время он позволил себе почувствовать. И это чувство, при всей его боли, было почти освобождением.

Глава 7.

Медленно наступало серое утро. В каморке было холодно. Эйден всё ещё лежал на полу и чувствовал, как каменные плиты вытягивают из него остатки тепла. По комнате гулял сквозняк, и пламя одинокой свечи дрожало, отбрасывая на стены пляшущие тени.

Он попытался сесть. Тело не слушалось: мышцы затекли, спина ныла от долгого лежания на камне. Он всё-таки сел, прислонившись спиной к стене, и обхватил колени руками.

— Жалкое зрелище, — прошептал он в темноту.

Голос прозвучал хрипло, почти незнакомо. Он посмотрел на свои руки, на длинные, тонкие пальцы, которые ещё недавно держали младенца над купелью. Руки, которые умели лечить, умели утешать, умели благословлять. Сейчас они дрожали.

«Ты сорвался, — сказал он себе. — Ты позволил себе сорваться. Ты выл, как раненый пёс, на полу своей собственной комнаты. Ты жалок. Ты слаб. Ты – ничто».

Он закрыл глаза и увидел их лица. Лорд Эдрик, который смотрел на него с заботой. Кэтрин, которая улыбалась ему, передавая младенца. Айлин в домашнем платье, такая спокойная и настоящая. Они все отнеслись к нему как к равному. Как к гостю. Как к члену семьи.

«А ты не смог этого вынести, — продолжил он безжалост-

но. — Ты не смог вынести простого человеческого тепла. Потому что ты не знаешь, что с ним делать. Потому что ты не заслуживаешь его. Ты — грязный, сломанный, испорченный. Ты — то, что от тебя осталось после всех, кто пользовался тобой и выбрасывал. Ты не имеешь права сидеть за их столом».

Он сжал кулаки и с силой ударил себя по бедру. Боль была острой, отрезвляющей. Потом ещё раз. И ещё.

«Ты дал обет смирения, — напомнил он себе. — Но ты не смиренен. Ты горд. Ты возгордился тем, что они приняли тебя. Ты возгордился их вниманием. Ты — жалкий лицемер».

Он медленно поднялся на ноги, держась за стену. Подошёл к распятию, висевшему в углу. Опустился на колени.

— Господи, — прошептал он, и голос его звучал глухо, — прости мне мою слабость. Прости мне мою гордыню. Я не должен был... я не должен был позволять себе чувствовать. Я слуга Твой, и ничего больше. Я не заслуживаю...

Он осёкся. Слова молитвы, которые обычно приносили успокоение, сегодня казались пустыми. Он смотрел на распятие и не чувствовал ничего, кроме холода.

«Ты даже молиться не можешь как следует, — подумал он. — Ты ни на что не годен».

Он оставался на коленях, пока солнце своими лучами не рассеяло полумрак его каморки. Не молился, просто стоял, опустив голову, и ждал, когда придёт утро.

Айлин заметила перемену в Эйдене на следующий же

день. Он всегда был напряжённым и отстранённым, но теперь вдобавок избегал встречаться с ней глазами. Отвечал односложно. Когда она спросила, всё ли в порядке, он ответил «да» таким тоном, что стало ясно: не в порядке. Но она не стала давить. Она знала: он не примет расспросов, только закроется ещё сильнее.

Её раны почти зажили. Рука перестала болеть, повязку она уже не носила. Остался только шрам на лопатке, который со временем должен был побледнеть. Она снова могла работать обеими руками. В приют она приходила по-прежнему два-три раза в неделю, иногда чаще. И каждый раз заставляла там одну и ту же картину: Эйден молча работал на кухне или на участке, не поднимая глаз. Мисс Хоторн, если она была там, вилась вокруг него с удвоенной энергией.

Эмилия действительно активизировалась. Теперь она приходила в приют почти каждый день. Приносила пирожные, конфеты, какие-то безделушки для детей. Она стала более настойчивой в своём внимании к Эйдену: поправляла ему воротник, стряхивала невидимые пылинки с плеча, брала его под руку под предлогом того, что «подвернула каблук». Эйден терпел всё это с каменным лицом, но Айлин замечала, как он каждый раз чуть отстранялся, как сжимались его челюсти.

— Отец Эйден, Вы сегодня так бледны! — щебетала Эмилия. — Вы, наверное, опять не спали всю ночь? Ах, ну почему Вы так не бережёте себя? Я Вам принесла укрепляющий

отвар. Мой личный рецепт. Вы непременно должны его выпить. Вот, я уже налила. Попробуйте. Вам обязательно станет лучше.

— Благодарю, мисс Хоторн, — отвечал Эйден, принимая кружку, но не делая ни глотка.

— Ну же! Я специально для Вас готовила. Вам что, не нравится?

— Я выпью позже.

— Вы всегда так говорите. А потом я нахожу кружку нетронутый. Это невежливо, знаете ли.

Айлин, сидевшая в углу с книгой, наблюдала. Однажды, когда Эмилия в очередной раз попыталась поправить Эйдену волосы, он отшатнулся, как от пощёчины, и его пальцы, сжимавшие чётки, задрожали.

«Он не просто не любит прикосновений, — поняла она. — Он их боится до дрожи. Что с ним такое делали, что он шарахается от рук?»

Она не спрашивала. Но она запоминала.

В четверг, когда солнце уже клонилось к закату, у ворот приюта остановился чёрный, лакированный экипаж с гербом Блэквудов на дверце. Из него вышел лорд Кристофер собственной персоной.

Он, как всегда, был безупречен: тёмно-серый камзол, серебряное шитьё, шейный платок из чёрного шёлка, волосы уложены в небрежную причёску. Он двигался с ленивой грацией хищника, который знает, что он – хищник, и наслажда-

ется этим. Эйден, увидев его, напрягся.

— Добрый вечер, отец Эйден! — произнёс Блэквуд, входя во двор. — Я как раз проезжал мимо и решил заглянуть. У меня к Вам дело.

Эйден старался держаться прямо, но плечи его были ссутулены, а глаза смотрели куда-то в область левого плеча гостя.

— Чем могу служить, лорд Блэквуд?

— О, Вы очень даже можете. — Кристофер улыбнулся той самой улыбкой, которая всегда заставляла Эйдена чувствовать себя неуютно. — Через три дня я устраиваю небольшой бал в своём поместье. Я был бы счастлив видеть Вас среди гостей. Ваше присутствие, знаете ли, добавляет любому собранию... духовности. — Он чуть растянул последнее слово, и в его голосе прозвучала едва заметная насмешка.

Эйден почувствовал, как внутри всё сжалось. Приём у Блэквуда. Это означало одно: он будет там в качестве мишени. Как всегда. Но отказаться он не мог – Блэквуд был одним из главных благотворителей прихода, и обидеть его означало бы потерять финансирование.

— Я почту за честь, — выдавил он.

— Прекрасно! — Блэквуд просиял. — Тогда жду Вас через три дня. Форма одежды – парадная. Вы же умеете быть парадным, отец Эйден? Хотя бы иногда?

Он рассмеялся собственной шутке и, не дожидаясь ответа, направился обратно к экипажу. Уже садясь, он обернулся

и добавил:

— Да, и передайте леди Айлин, что я восхищён её недавним подвигом. Закрыть ребёнка собой — это так... в её духе. Жду её на приёме с нетерпением.

Экипаж укатил. Эйден остался стоять на крыльце, чувствуя, как внутри закипает привычная смесь страха и ненависти. «Ты будешь там, — сказал он себе. — Ты будешь стоять у стены, пока они будут смеяться над тобой. Ты будешь терпеть. Ты всегда терпишь. А потом вернёшься сюда и снова будешь выть на полу, как жалкий пёс».

Эмилия, слышавшая разговор из окна, выпорхнула во двор с сияющим лицом.

— Вы слышали, отец Эйден? Лорд Блэквуд пригласил Вас на бал! Настоящий приём в его поместье! Это такая честь! Я должна немедленно заняться платьем. У меня есть чудесный бледно-лиловый шёлк! Он так идёт к моим глазам. Или лучше цвет слоновой кости? А Вы, леди Айлин, — она обернулась к Айлин, которая вышла на крыльцо следом, — Вы, конечно, тоже пойдёте? Или предпочтёте остаться дома, как обычно?

Айлин смотрела на Эйдена. На его застывшее лицо, на побелевшие пальцы, сжимавшие чётки.

«Он до смерти боится этого приёма, — поняла она вдруг. — Боится Блэквуда, насмешек, быть униженным. И он всё равно пойдёт, потому что не может отказать».

Ей вдруг стало невыносимо горько от этой мысли. Этот

измученный, израненный, вечно ожидающий чего-то плохого человек, вызывал в ней странное, щемящее чувство. Она хотела защитить его. Не потому, что он был слаб — он не считала его таковым. А потому что он был... хорошим. По-настоящему хорошим. В мире, где большинство людей были лицемерами, интриганами или равнодушными, он был настоящим. Он не умел притворяться, не умел льстить, не умел играть в игры. Он просто делал своё дело: лечил, кормил, утешал, растил травы и овощи на скромном клочке земли у приюта. И ждал, когда его ударят.

«Он мне нравится, — осознала она. — Он нравится мне как человек. Я не хочу, чтобы ему было больно».

Она не стала анализировать это чувство. Не стала думать, что оно может означать и куда может привести. Она просто приняла его, как принимала всё в своей жизни. Прямо, без иллюзий.

— Я пойду, — сказала она.

Эмилия удивлённо заморгала.

— О! Это... замечательно! Будет просто чудесно! Все вместе! Мы так редко куда-то выбираемся. Особенно Вы, леди Айлин. Это будет незабываемый вечер!

Айлин не слушала. Она продолжала смотреть на Эйдена. Он по-прежнему стоял, глядя в землю, и его пальцы всё так же сжимали чётки. Но теперь она знала, почему пойдёт на этот приём. Не ради отца, не ради приличий, не ради того, чтобы досадить Эмили. А ради него. Чтобы быть рядом.

Чтобы, если понадобится, встать между ним и теми, кто захочет его ранить.

«Я не смогу защитить тебя от всего, — подумала она, глядя на его ссутуленные плечи. — Но я могу хотя бы попробовать».

Глава 8.

Дома в день приёма Айлин начала готовиться. Подготовка заняла у неё ровно полчаса. Она выбрала наряд. Никаких платьев, никаких корсетов – тёмно-синий брючный костюм из тонкой шерсти, с приталенным жакетом и серебряными пуговицами. Вместо туфель – высокие ботинки на плоской подошве, начищенные до блеска. Волосы убрала в высокий пучок, закрепив тонкой диадемой из белого золота с топазами. Никакой косметики, кроме лёгкой пудры. Никаких духов.

Она посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна. Она не собиралась блистать. Она собиралась быть незаметной настолько, насколько это возможно для женщины в брюках на балу у Блэквуда.

В дверь заглянул лорд Эдрик. Увидев дочь в брючном костюме, он хмыкнул.

— Ты идёшь на бал в этом?

— А что не так?

— Ничего. Ты выглядишь... как всегда. По-своему.

— Это комплимент?

— Считай, что так. — Он помолчал. — Будь осторожна с Блэквудом. Он что-то задумал. Я чувствую это.

Айлин посмотрела на отца. Он редко говорил о своих предчувствиях, но, когда говорил, она привыкла доверять.

— Я справлюсь, — сказала она. — Я не одна. Там будешь ты. И отец Эйден тоже придёт.

Лорд Эдрик удивлённо поднял бровь.

— И что с того?

— Ничего, — ответила она, вставая. — Просто... он хороший человек. И я не хочу, чтобы его сегодня растоптали.

— Ты хочешь защитить священника?

— Я хочу, чтобы к нему относились справедливо. Это немного другое.

Экипаж Блэквуда прибыл за ними вовремя. Они сели в него и отправились на приём. За окном проплывали вечерние огни. Айлин вспомнила, как Эйден стоял на крыльце приюта, дрожащий и бледный, сжимая чётки. Как он шаркался от прикосновений. «Что с тобой сделали? — размышляла она. — Что такого страшного, что ты боишься даже дружеского жеста?». Лорд Эдрик сидел напротив и задумчиво смотрел на дочь.

Бал начался. Поместье Блэквуда сияло сотнями свечей, их огни отражались в высоких зеркалах и хрустальных подвесках люстр. Гости: местная знать, офицеры, богатые купцы с дочерьми на выданье, заполнили бальный зал, и их голоса сливались в ровный, приглушённый гул. Пахло духами, воском и лёгким ароматом вина.

Лорд Кристофер Блэквуд встречал гостей у входа, и его улыбка сегодня была особенно ослепительной. Безупречный

чёрный фрак, серебряный шейный платок, волосы уложены с небрежной элегантностью — он выглядел так, словно сошёл с портрета.

Одной из первых прибыла Эмилия. Она, сияя, выпорхнула из экипажа. Кристофер, оценив платье цвета слоновой кости, глубокое декольте и жемчужные шпильки в высокой причёске, мысленно усмехнулся. Она была великолепна в той кричащей манере, которую он находил забавной.

— Мисс Хоторн! — Он поцеловал ей руку, чуть задержав губы дольше, чем требовал этикет. — Вы сегодня ослепительны. Это платье достойно королевы.

Эмилия зарделась.

— Вы слишком добры, лорд Блэквуд.

— Я не добр, — ответил он с лёгкой улыбкой. — Я честен.

Проходите в зал, дорогая.

Вскоре прибыл Эйден. Он вышел из экипажа медленно, словно ступая на эшафот. Его парадная ряса была чистой, но старой, и заплатка на локте, аккуратно заштопанная, всё равно бросалась в глаза. Кристофер заметил её мгновенно.

— Отец Эйден! Вы, как всегда, воплощение скромности. Я восхищаюсь Вашим аскетизмом. Проходите, почувствуйте себя как дома.

Эйден молча кивнул и прошёл в зал, стараясь занимать как можно меньше места. Кристофер проводил его взглядом. Этот священник был его любимой игрушкой — такой уязвимый, такой напряжённый, такой предсказуемый.

Айлин с отцом прибыли почти последними.

— Лорд Эдрик, Вы, как всегда, великолепны. Для меня честь принимать Вас сегодня. Леди Айлин! Этот костюм так подчёркивает Вашу индивидуальность. Вы, должно быть, единственная женщина в королевстве, которая приходит на бал в брюках, — поприветствовал их Кристофер, обводя её фигуру жадным взглядом своих голубых глаз.

— Благодарю. Я не стремлюсь быть как все.

— И это восхитительно.

Она прошла мимо него в зал, и Кристофер посмотрел ей вслед с интересом. Эта женщина была крепким орешком. Но он любил таких людей. Их было интереснее раскалывать.

В бальном зале гости разбились на группки. Лорд Эдрик уже начал беседу с каким-то пожилым лордом. Эйден стоял у стены, как обычно, стараясь слиться с интерьером. Эмилия, заметив его, немедленно подплыла ближе, поправила локон и что-то зашебетала. Айлин увидела, как её губы складываются в слова о «чудесном вечере». Эйден ответил что-то короткое и отвёл глаза.

Айлин не подошла к ним. Она встала у противоположной стены, скрестив руки на груди, и наблюдала. Блэквуд, закончив приветствовать гостей, вошёл в зал, и его присутствие немедленно изменило атмосферу.

— Дамы и господа! — провозгласил он, и его голос, бархатный и чуть ленивый, разнёсся под сводами зала. — Я рад приветствовать вас в моём скромном доме. Сегодня нас

ждёт чудесный вечер: музыка, танцы, вино и, разумеется, духовное наставление от нашего дорогого отца Эйдена. — Он улыбнулся священнику, и несколько гостей засмеялись. — Но это позже. А пока — веселитесь!

Оркестр заиграл вальс. Пары начали выстраиваться в центре зала. Эмилия немедленно оказалась в кругу поклонников, и её смех зазвенел. Айлин осталась у стены. Эйден сдвинулся куда-то в тень.

Кристофер подошёл к Айлин и галантно протянул ей руку.

— Собогаволите подарить мне танец, леди Харпер?

— Вы же знаете, что я не танцую.

— Знаю. И всё же каждый раз надеюсь, что Вы сделаете исключение для меня.

— Не в этот раз.

— Жаль. — Он помолчал. — Вы сегодня какая-то напряжённая. Что-то случилось?

— Ничего. Просто я не люблю приёмы.

— Я знаю. Именно поэтому я так рад, что Вы пришли. Я приготовил кое-что особенное.

Он ушёл, прежде чем она успела спросить, что он имеет в виду. Айлин сжала зубы. «Кое-что особенное». Это не предвещало ничего хорошего.

Эйден стоял у стены и смотрел в пол. Его плечи были напряжены, пальцы перебирали чётки. Он ждал. Блэквуд обязательно выведет его на «сцену», вопрос только в том, когда

и как. И в том, какую роль во всём этом сыграет она.

Он поднял глаза и встретился взглядом с Айлин. Она смотрела на него с каким-то спокойным, оценивающим вниманием.

Эйден отвёл глаза. Его мысли путались. «Почему она здесь? Она ненавидит такие мероприятия. Она никогда не ходит на приёмы, если её не заставляет отец. Зачем она пришла? Из-за меня? Что ей от меня нужно? Она заодно с Блэквудом? Я не понимаю, что происходит. Я не понимаю её. И это... тревожит».

Присутствие Айлин, которое в приюте стало почти привычным, здесь, в логове Блэквуда, ощущалось иначе. Оно не успокаивало. Оно добавляло ещё один слой напряжения. Она была неизвестной переменной. Она была непредсказуема.

Айлин тоже отвела взгляд. Она смотрела на Блэквуда, который в этот момент что-то шептал на ухо Эмили, заставляя её смеяться. «Он играет с ней, — подумала Айлин. — Как кошка с мышкой. И он играет с отцом Эйденом. И со мной. Он получает удовольствие от власти над людьми».

Она не знала, почему Эйден так боится. Она не знала, что с ним сделали в прошлом. Но она видела результат — человека, который вздрагивает от прикосновений, который стоит у стены, сжимая чётки. И её глубокое, врождённое чувство справедливости восставало против этого.

«Я не позволю, — подумала она. — Я не знаю, что Блэквуд

задумал, но я не позволю ему растоптать Эйдена».

Блэквуд, оставив Эмилию, подошёл к ней снова.

— Леди Айлин, Вы скучаете. Это недопустимо. Позвольте мне развлечь Вас.

— Я не скучаю. Я наблюдаю.

— И что же вы видите?

— Театр. Вы – режиссёр. Гости – актёры. Я пытаюсь понять сценарий.

Блэквуд громко искренне рассмеялся.

— Вы мне нравитесь, леди Айлин. Вы – единственный человек в этом зале, который говорит то, что думает. Это так освежает. — Он наклонился ближе. — Но берегитесь. Иногда сценарий меняется по ходу пьесы. И актёры, которые думают, что знают свою роль, оказываются в самом неожиданном положении.

— Я запомню, — ответила она.

Он ушёл, и Айлин осталась одна. Эйден, стоявший у стены, заметил этот обмен. Он не слышал слов, но видел, как Блэквуд смеялся, видел, как Айлин коротко, сдержанно, без тени страха отвечала ему.

«Она не боится Блэквуда, — подумал Эйден. — Она не боится никого в этом зале. Почему? Что даёт ей эту уверенность? И почему она смотрит на меня так, словно... ей не всё равно?»

Эта мысль была настолько чужеродной, настолько противоречащей всему его опыту, что он немедленно отбросил её.

«Нет, — сказал он себе. — Она просто... наблюдает. Как и я. Она пытается понять, что здесь происходит. И я для неё — часть картины. Ничего больше».

Он сжал чётки сильнее и уставился в пол. Вечер только начинался, и он знал: худшее ещё впереди.

Глава 9.

Музыка стихла. Пары, кружившиеся в очередном танце, остановились, и гости повернулись к хозяину вечера, который поднялся на небольшое возвышение у камина. Кристофер Блэквуд обвёл зал взглядом, и его улыбка стала шире.

— Дамы и господа, — произнёс он. — Я обещал вам духовное наставление от нашего дорогого отца Эйдена. И я знаю, что многие из вас ждали этого момента с нетерпением.

По залу прокатился смешок. Эйден, стоявший у стены, напрягся ещё сильнее. Его пальцы, сжимавшие чётки, задрожали. Он знал этот тон и что за ним последует.

— Отец Эйден! — Блэквуд повернулся к священнику. — Прошу Вас, подойдите. Я хочу, чтобы все услышали Ваше мудрое слово. У Вас такой дар говорить о смирении, о терпении, о кротости. Вы так... убедительны в этом.

Эмилия восторженно захлопала в ладоши.

— О да, прошу Вас, отец Эйден! — воскликнула она. — Произнесите для нас проповедь! Это так... возвышает душу.

Эйден медленно отлепился от стены. Он шёл к возвышению, чувствуя на себе любопытные, насмешливые, оценивающие взгляды. Он привык к ним. Но сегодня, под прицелом этих глаз, в центре этого сияющего зала, среди этих разодетых людей, он чувствовал себя особенно голым.

Он встал рядом с Блэквудом. Тот отступил на шаг, давая

ему пространство, и скрестил руки на груди – жест зрителя, ожидающего представления.

— Благодарю, лорд Блэквуд, — произнёс Эйден, и его голос, к собственному удивлению, прозвучал почти ровно. — Я не готовил проповедь. Но раз Вы просите...

Он обвёл зал взглядом. Лица расплывались перед ним, но он заставил себя смотреть на них. Айлин стояла, внимательно глядя на него. Эмилия кокетливо улыбалась, чуть приоткрыв губы. Блэквуд наблюдал, и в его глазах плясали лукавые огоньки.

— Вы хотите услышать о смирении, — начал Эйден. — О терпении. О кротости. Эти добродетели часто восхваляют в церквях. Их носят как украшения – красивые слова, которые легко произносить и легко забывать. Но истинное смирение – это не красивое слово. Это – рана. Это когда ты стоишь перед теми, кто сильнее тебя, и знаешь, что не можешь ответить. Когда ты принимаешь удар не потому, что ты слаб, а потому что тот, кто бьёт, всё равно не поймёт твоей силы. Истинная кротость – это не безответность. Это когда ты хранишь в своей душе веру в Бога и любовь к ближнему несмотря ни на что. Истинное терпение – это не молчание. Это – крик, запертый в груди, который ты не можешь выпустить, потому что никто не услышит.

В зале стало тихо. Слишком тихо. Эйден почувствовал, как слова, которые он не планировал произносить, срываются с губ, и уже не мог остановиться.

— Вы смотрите на меня, — продолжал он, и его голос чуть дрогнул, — и видите священника. Бедного, скромного, немного смешного. Вы думаете: «Он не опасен. Он не важен. Он — просто декорация». И вы правы. Я не опасен. Я не важен. Но я — не декорация. Я — такой же человек, как вы. И мне тоже бывает больно. И я тоже иногда не могу терпеть. Но я терплю. Потому что такова моя роль.

Он замолчал. Тишина в зале стала звенящей. Блэквуд, стоявший рядом, чуть нахмурился, он явно не ожидал такого поворота. Эмилия растерянно хлопала ресницами. Айлин смотрела на Эйдена, и в её глазах было уважение. В зале, полном лжи и лицемерия, он сказал правду, и это прозвучало как вызов.

Блэквуд оправился первым. Он шагнул вперёд и широко улыбнулся.

— Bravo, отец Эйден! — воскликнул он, и его голос был полон притворного восхищения. — Какая страсть! Какая... искренность! Вы тронули нас до глубины души. Правда, дорогая Эмилия? — Он повернулся к девушке.

— О да! — подхватила она, радуясь возможности снова оказаться в центре внимания. — Это было так... проникновенно. Особенно та часть про рану. Вы так трогательно говорили, отец Эйден. Прямо как святой мученик. Или как... — она запнулась, подбирая слово, но Блэквуд опередил её.

— Как человек, который хорошо знаком со страданием, — закончил он. — Не так ли, отец Эйден? Вы ведь знаете, о

чём говорите? Ваше прошлое... оно, должно быть, оставило на Вас свой отпечаток.

Эйден замер. Его глаза на мгновение расширились, и Айлин заметила это. Что-то в словах Блэквуда попало в цель глубже, чем обычная насмешка.

— Моё прошлое — это моё прошлое, — ответил Эйден глухо. — Оно не делает меня ни святым, ни мучеником. Оно делает меня тем, кто я есть.

— И кто же Вы? — спросил Блэквуд с лёгкой улыбкой.

Эйден поднял глаза и встретился с ним взглядом.

— Человек, который всё ещё стоит, — ответил он.

В зале повисла пауза. Потом кто-то из гостей начал аплодировать. Возможно, просто чтобы разрядить обстановку. Другие подхватили, и вскоре зал наполнился жидкими хлопками. Блэквуд тоже хлопал, и его улыбка стала шире.

— Прекрасно, — сказал он. — Просто прекрасно. А теперь, дамы и господа, продолжим веселье. Музыка!

Оркестр снова заиграл, и гости, почувствовав облегчение, вернулись к танцам и разговорам. Но что-то в атмосфере изменилось. Эйден спустился с возвышения и направился обратно к своей стене, но Айлин преградила ему путь.

— Вы в порядке? — спросила она тихо, так, чтобы никто не слышал.

Эйден посмотрел на неё.

— Да, — ответил он. — Я в порядке.

— Это была хорошая проповедь, — сказала она. — Прав-

да.

— Это не была проповедь.

— Я знаю. — Она помолчала. — Именно поэтому она была хорошей.

Она отошла, прежде чем он успел ответить. Эйден остался стоять, глядя ей вслед. Его мысли путались.

«Почему? — думал он. — Почему она это делает? Чего она хочет? Я не понимаю. Я не понимаю её. И это...»

Он не закончил мысль. Тревога, его верная спутница уже долгие годы, становилась сильнее.

Вечер продолжался. Эмилия танцевала, Блэквуд острил, гости смеялись и пили вино. Айлин стояла у стены, наблюдая, и думала, что священник только что сделал нечто невероятное: в зале, полном врагов, он открыл им часть своей души. Лорд Эдрик, проходя мимо неё, прошептал: «Чует моё сердце, устроит этот Блэквуд нам всем проблем».

Глава 10.

Гости танцевали, смеялись и пили вино, но что-то неуловимое повисло в воздухе. Словно слова Эйдена, такие неуместные для этого сверкающего вечера, оставили трещину на отполированной поверхности праздника. Эмилия, впрочем, ничего не заметила. Она кружилась в танце с очередным партнёром, и её смех звенел, заглушая все остальные звуки.

Эйден чувствовал себя выжатым до дна. Эта проповедь, хотя он даже не мог назвать её проповедью – это был крик, вырвавшийся помимо воли, отняла у него последние силы. Он хотел уйти. Хотел вернуться в свою каморку, запереть дверь и остаться один. Но он знал, что не может. Блэквуд не отпустит его так просто. Он приготовил что-то ещё.

Айлин наблюдала за происходящим, чувствуя, как внутри разгорается глухое раздражение. Блэквуд, который недавно стоял на возвышении и аплодировал Эйдену с притворным восхищением, теперь о чём-то переговаривался с Эмилией. Он склонился к ней, что-то шептал, и она кивала, улыбаясь. И направилась к священнику.

— Отец Эйден, — проворковала она очаровательным голосом. — Окажите мне честь, потанцевав со мной.

— Прошу меня извинить, мисс Хоторн, я не умею танцевать, — ответил он, пытаясь вжаться в стену.

— О, я Вас научу, в этом нет ничего сложного, — настаивала Эмилия, беря его под локоть. Он дёрнулся и грубо вырвал руку из её хватки.

— Мисс Хоторн, прошу Вас, — сдавленным голосом прошептал он. — Не трогайте меня и не заставляйте танцевать. Эмилия обиженно захлопала ресницами.

— Неужели стоять в тёмном углу Вам интереснее танца со мной?

— Дело не в интересе. Я уже сказал, что не умею танцевать. Найдите себе более достойного партнёра.

Возмущённо фыркнув, она удалилась с видом оскорблённого достоинства, и демонстративно закружилась в танце с Блэквудом. Сам Кристофер танцевал с ней с видом кота, съевшего сметану, кидая в сторону Эйдена высокомерные взгляды.

Айлин смотрела на это всё, стиснув зубы, и надеялась, что на этом неприятности для священника закончатся.

По окончании танца Кристофер подошёл к столу, постукал серебряной ложкой по бокалу, призывая к вниманию, и в зале стало тихо.

— Дамы и господа, — произнёс он, и его голос, бархатный и обволакивающий, разнёсся под сводами. — Я хочу предложить небольшую игру. Ничего сложного, просто способ узнать друг друга получше. Уверен, вам понравится.

По залу прокатился одобрителный гул. Игры на приёмах были обычным делом: шарады, фанты, загадки. Но Айлин

заметила, как напрягся Эйден. Он тоже знал, что игры Блэквуда никогда не бывают безобидными.

— Правила просты, — продолжал Кристофер. — Каждый из нас по очереди рассказывает короткую историю из своей жизни. Что-то личное. Что-то, о чём мало кто знает. А остальные угадывают, правда это или ложь. Если угадывают — рассказчик делает штрафной глоток вина. Если нет — глоток делают те, кто ошибся. Честность вознаграждается.

Он обвёл зал взглядом, и его улыбка стала чуть шире.

— Я начну, разумеется.

Эмилия захлопала в ладоши.

— О, это так интересно! Я обожаю такие игры!

Айлин ничего не сказала. Она смотрела на Блэквуда и ждала. Он не просто так предложил эту игру. У него была цель.

Блэквуд сделал глоток вина и начал.

— Когда мне было пятнадцать, я влюбился в дочь кухарки. Она была старше меня на пять лет, и я каждое утро таскал для неё цветы из отцовского сада. Однажды меня поймали, и отец приказал выпороть меня на конюшне. Но я не перестал. Я был очень упрямым юношей.

Зал загудел. Гости начали выкрикивать догадки: одни считали, что это правда, другие — что ложь. Кристофер наслаждался всеобщим вниманием, и, когда шум стих, объявил, что история — чистая правда. Те, кто не угадал, послушно выпили штрафные глотки.

Затем настала очередь Эмили. Она жеманно поправила локон и рассказала о том, как в детстве украла у матери жемчужное ожерелье, чтобы надеть его на ярмарку, а потом потеряла одну жемчужину в стоге сена и рыдала три дня, пока жемчужину не нашёл конюх. Гости посмеялись, выпили, и большинство угадало – история была правдой.

Потом выступили ещё несколько гостей: офицер рассказал о дуэли, которую якобы выиграл, купец поведал о сделке века, леди в голубом призналась, что когда-то сбежала из дома с бродячим музыкантом, но через три дня вернулась. Игра текла своим чередом, и постепенно гости расслабились, приняли её за обычное развлечение.

Наконец Блэквуд повернулся к священнику, и его улыбка стала особенно сладкой.

— Отец Эйден! Вы весь вечер молчите. Пришло Ваше время. Поведайте нам что-нибудь о себе. Что-то личное. Что-то, чего мы о Вас не знаем. Уверен, у Вас найдётся история. Вы столько лет прожили в монастыре, там наверняка случалось всякое.

Эйден замер. В зале стало тихо – все смотрели на него. Он знал, что этот момент настанет. Блэквуд не мог не использовать игру, чтобы добраться до него. И теперь ему нужно было выбрать: соврать и быть разоблачённым, или сказать правду и выставить себя на посмешище.

Он обвёл зал взглядом и начал говорить, почти не осознавая, что именно рассказывает.

— Когда мне было около восьми лет, — произнёс он глухо, — меня наказали за то, что я съел лишний кусок хлеба. Меня заперли в подвале на два дня. Без еды. Без воды. Без света. Я сидел во тьме и считал секунды. С тех пор я не люблю темноту.

Он замолчал. В зале повисла неловкая, напряжённая тишина. Эмилия открыла рот, но ничего не сказала.

— Это... это правда? — спросила она наконец.

Эйден кивнул.

Блэквуд, который до этого улыбался, на мгновение замер. Он явно не ожидал такого ответа. Потом его лицо снова приняло выражение лёгкого превосходства.

— Какая... поучительная история, — сказал он. — Вы, должно быть, с тех пор очень цените хлеб.

Несколько гостей нервно засмеялись, больше от неловкости, чем от веселья. Айлин смотрела на Эйдена. Он стоял, опустив глаза, и его пальцы, сжимавшие чётки, дрожали. И в этот момент она поняла: он не просто рассказал историю. Он доверил этим людям кусочек своей боли. А они не поняли. Они не захотели понять.

— Мне кажется, — произнесла она, и её голос, ровный и спокойный, перекрыл нервные смешки, — что отец Эйден оказал нам честь, поделившись этой историей. Не каждый способен на такую откровенность. И тот, кто считает это поводом для шутки, просто не понимает, что такое мужество.

В зале снова стало тихо. Блэквуд посмотрел на неё с ин-

тересом, но ничего не сказал. Эмилия надула губки. Эйден поднял глаза и встретился взглядом с Айлин. Она смотрела на него с чем-то, что было похоже на уважение. И это было так странно, так непривычно, что он не знал, что с этим делать.

Игра скоро сошла на нет — гости предпочли вернуться к танцам и вину. Блэквуд больше не подходил к священнику. Эйден остался у своей стены, думая о том, что она сказала. «Не каждый способен на такую откровенность». Он не чувствовал себя откровенным. Он чувствовал себя голым. Но её слова застряли в его голове, как заноза.

Когда кареты начали разъезжаться, Эйден вышел на крыльцо. Ночь была холодной и звёздной. Он стоял, кутаясь в рясу. Сегодня он сказал слишком много. И он по-прежнему не понимал Айлин. Но, может быть, понимать было не обязательно.

Айлин вышла следом. Они постояли молча несколько секунд, прежде чем она заговорила.

— Вы сегодня сказали правду. В зале, полном лжи. Это потребовало смелости.

Эйден не ответил.

— Я не знаю, почему и зачем Вы это сделали, — сказала она. — Но это было... правильно. Спокойной ночи, отец Эйден.

Глава 11.

После приёма у Блэквуда прошла неделя. Жизнь в приюте и церкви текла своим чередом – размеренно, предсказуемо, со своими маленькими кризисами и тихими радостями. Но что-то изменилось.

Айлин поймала себя на этом не сразу. Она сидела на скамейке в общем зале приюта, держа на коленях книгу, которую читала детям, и иногда посматривала на Эйдена. Он стоял у стола, месил тесто, и его лицо, как всегда, было сосредоточенным и отстранённым.

За последние несколько дней она стала замечать вещи, которых раньше не видела. Как он поправляет волосы, убирая их с лица быстрым, почти раздражённым жестом. Как его пальцы, длинные и тонкие, двигаются с хирургической точностью, когда он нарезает хлеб или смешивает травы. Как он иногда, очень редко, улыбается уголками губ, почти незаметно, когда кто-то из детей говорит что-то забавное.

«Он красивый, — подумала она вдруг, и эта мысль была такой неожиданной, что она чуть не выронила книгу. — Не в обычном смысле. Не так, как Блэквуд. Но в нём есть что-то... что заставляет смотреть».

Она тут же одёрнула себя. Это было глупо. Это было неуместно. Он был священником. Она была дочерью лорда, которая никогда не думала о мужчинах в таком ключе.

Точнее, думала, но абстрактно, как о чём-то, что может случиться когда-нибудь потом, с кем-то подходящим. Но не с ним. Не с этим измученным, запуганным человеком, который вздрагивал от прикосновений и ждал ото всех подвоха.

«Это пройдёт, — сказала она себе. — Это просто... интересно. Он необычный. Он отличается от всех, кого я знаю. Вот и всё».

Но она продолжала смотреть.

Эйден не замечал её взгляда. Он вообще мало что замечал в последние дни, погружённый в собственные мысли. После того приёма он чувствовал себя так, словно с него содрали кожу. Он рассказал всем этим людям, которые смеялись над ним, о подвале. О темноте. О голоде. Он дал им оружие против себя, и теперь ждал, когда они его используют. Блэквуд наверняка уже придумал, как обратить его признание против него самого. Эмилия, возможно, расскажет об этом своим подругам. А Айлин...

Айлин. Он не знал, что она думает. Она тогда защитила его — сказала что-то о мужестве и откровенности. Но он не мог понять, зачем. Чего она хотела? Какова была её цель? Он прокручивал этот момент в голове снова и снова, пытаясь найти скрытый смысл. «Она что-то задумала. Она не могла просто так встать на мою защиту. Люди так не делают. Должна быть причина».

Однажды, когда он шёл из приюта в церковь, он заметил

отца Исаяю. Тот стоял на другой стороне улицы, у дверей трактира, и разговаривал с каким-то человеком. Его грузная фигура, седые волосы, приторная улыбка – Эйден узнал бы его из тысячи. Сердце пропустило удар, тело похолодело. Исаяя не заметил его или сделал вид, что не заметил. Но сам факт его присутствия здесь, в этом городе, заставил Эйдена затрястись и сжать кулаки. Что ему нужно? Почему он здесь? Он приезжал несколько раз в год, обычно по каким-то церковным делам, но каждый его визит отбрасывал Эйдена на много лет назад, в ту темноту, из которой он когда-то выбрался. Или думал, что выбрался.

Он шёл в церковь, а перед глазами стояло лицо Исаяи, его сальная улыбка, его масляный голос, его руки. Эйден до боли впился ногтями в ладонь. Боль помогла. Немного.

В приюте кипела жизнь. Гертруда командовала на кухне, дети носились по двору, старшие помогали младшим. И в этот привычный, размеренный ритм ворвалась Эмилия.

Она появилась на пороге, сияя, в новом платье, на этот раз бледно-розовом, с кружевными оборками и глубоким декольте. В руках она держала корзинку с пирожными.

— Добрый день всем! — проворковала она. — Я принесла угощение. Где отец Эйден?

Гертруда, не отрываясь от кастрюли, махнула рукой в сторону его комнаты. Она немедленно направилась туда, и Айлин, сидевшая в углу с детьми, проводила её тяжёлым взгля-

дом.

Эмилия нашла Эйдена стоящим на коленях перед распятием. Он не молился, просто смотрел перед собой. Услышав шаги, он вздрогнул и обернулся.

— Отец Эйден! — Эмилия всплеснула руками. — Вы опять прячетесь! Я принесла Вам пирожные. Вы, должно быть, голодны. Вы всегда выглядите так, словно не ели неделю. Ну же, попробуйте. Я специально для Вас выбирала самые красивые.

Она поставила корзинку на тумбочку и шагнула ближе. Эйден отступил.

— Благодарю, мисс Хоторн, — сказал он. — Я не голоден.

— Вы всегда так говорите! — Она улыбнулась и поправила локон. — Знаете, отец Эйден, я много думала о том, что Вы сказали на приёме. О подвале. О темноте. Это было так... трогательно. Я просто не могла уснуть в ту ночь. Всё думала о Вас. О том, как Вам, должно быть, было тяжело. — Она сделала ещё шаг, и теперь между ними почти не осталось расстояния. — Если Вам когда-нибудь захочется поговорить... я всегда рядом. Я умею слушать. Я умею утешать.

Её голос стал ниже, интимнее. Она подняла руку и легко коснулась его плеча. Эйден замер. Его мышцы напряглись.

— Мисс Хоторн, — произнёс он, и его голос был глухим, — пожалуйста, не прикасайтесь ко мне.

Она отдернула руку, но улыбка не исчезла.

— О, простите. Я только хотела выразить сочувствие. Вы

такой... хрупкий. Такой ранимый. Мне хочется Вас защитить.

— Мне не нужна защита, — ответил он. — И сочувствие. Благодарю за пирожные. Дети их оценят. А теперь, если позволите, мне нужно работать.

Он развернулся и вышел из комнаты, оставив Эмилию одну. Она посмотрела ему вслед, и её улыбка стала чуть менее сладкой.

— Ничего, — прошептала она себе под нос. — Я не тороплюсь. Ты всё равно будешь моим.

Айлин видела, как Эйден вышел из комнаты бледнее обычного. Она ничего не сказала, но отметила про себя: «Эмилия пыталась к нему прикоснуться? Что с ним такое? Что с ним делали, что он боится рук?»

Вечером, когда работа была закончена и дети накормлены, Эйден вышел попрощаться с Айлин. Он выглядел измученным.

— Вы сегодня рано уходите, — заметил он.

— Да. Устала. — Она помолчала. — Мисс Хоторн сегодня была особенно настойчива.

— Она принесла пирожные.

— Я видела. И видела, как Вы вышли из комнаты. Она опять к вам прикасалась?

Он вздрогнул и не ответил, но его молчание было красноречивее слов.

— Вы не обязаны это терпеть, — сказала Айлин. — Вы имеете право сказать «нет». Даже если она дочь купца. Даже если её отец жертвует на приход.

— Я сказал, — ответил Эйден. — Она не слушает.

— Тогда скажите громче.

Он поднял на неё глаза.

— Я не умею говорить громко, — сказал он.

— Научитесь.

Она, не прощаясь, направилась к своему экипажу. Эйден смотрел ей вслед. «Научитесь». Она говорила так, словно это было просто.

Айлин ехала в карете, думая об Эйдене и о том, как её собственное сердце забилось быстрее, когда он посмотрел на неё.

«Это не пройдёт, — поняла она вдруг. — Это не просто интерес. Он мне нравится. По-настоящему. Как мужчина».

Она закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья. Это было некстати. Это было неудобно. Это было чертовски сложно. Но это было правдой. А Айлин привыкла смотреть правде в глаза.

Глава 12.

Шли дни. Айлин ловила себя на том, что смотрит на Эйдена чаще, чем нужно. Не просто как на священника или работника приюта, а как на мужчину. Это было странно. Непривычно. Она никогда раньше не смотрела на мужчин с этим щемящим, тёплым чувством, которое она не могла до конца определить.

Она не говорила ему об этом. Просто приходила в приют, делала свою работу и наблюдала. И с каждым днём её чувство становилось всё более ясным. «Я хочу быть рядом с ним, — думала она, глядя, как Эйден перевязывает руку Питеру. — Хочу, чтобы он перестал бояться. Хочу...»

Эйден ничего не замечал. Он был слишком занят собственными демонами.

Однажды, когда он шёл из церкви в приют, его окликнули. Голос был до тошноты знакомым. Эйден обернулся и увидел отца Исаяю.

Тот стоял, опираясь на трость с серебряным набалдашником, и улыбался своей обычной приторной улыбкой. Его полная фигура, седые волосы, маленькие водянистые глазки, всё в нём вызывало у Эйдена волну тошноты. Рядом с ним, держась чуть поодаль, стоял лорд Блэквуд.

— Мой дорогой Эйден! Как давно мы не встречались. — пропел Исаяя. — А мы как раз о тебе говорили. Лорд Блэк-

вуд рассказывал мне о твоей чудесной проповеди на балу. Говорит, ты был весьма... откровенным.

Кристофер усмехнулся.

— О да. Отец Эйден поведал нам историю о подвале. Очень трогательно. Вы, должно быть, гордитесь своим воспитанником, отец Исая. Такой смиренный, такой... терпеливый. Настоящий образец христианской добродетели. Кротость, возведённая в абсолют.

Исая кивнул, и его улыбка стала шире.

— О да. Эйден всегда был... особенным. Ещё в монастыре он выделялся среди других детей. Тихий, послушный, никогда не жаловался. Правда, Эйден?

Эйден стоял, глядя широко распахнутыми глазами в землю. Его руки, сжимавшие чётки, похолодели, ногти до крови впились в ладони. Он чувствовал на себе сальный, оценивающий взгляд Исайи, и этот взгляд воскрешал воспоминания, которые он годами пытался похоронить. Холодная келья. Руки настоятеля. Его голос, шепчущий на ухо. «Ты особенный, Эйден. Ты мой особенный мальчик».

— Я должен идти, — выдавил он. — В приюте ждут.

— Конечно-конечно, — насмешливо ответил Исая. — Не буду тебя задерживать. Но мы с лордом Блэквудом собираемся поужинать сегодня. Присоединяйся. Вспомним старые времена.

— Я занят.

— Жаль. — Исая вздохнул. — Но ничего. Мы ещё уви-

димся. Я пробуду в городе несколько дней. Остановился у лорда Блэквуда. Он так любезен.

Кристофер поклонился.

— Всегда рад служителям церкви. Особенно таким... колоритным.

Они ушли, смеясь над какой-то шуткой, которую Эйден не услышал. Он остался стоять посреди улицы, чувствуя, как сердце бешено колотится где-то в горле. Исайя здесь. Он остановился у Блэквуда. Они проводят время вместе. Это не могло быть случайностью. Это был заговор, он чувствовал это. Они что-то задумали. Что-то, что должно было его уничтожить.

Он заставил себя идти. Шаг, другой, третий. Ноги двигались механически, мысли путались. К тому моменту, как он добрался до приюта, его лицо было блее мела, а руки дрожали.

Эйден вошёл в общий зал, и Айлин увидела его бледное, застывшее лицо с расширенными зрачками. Он выглядел так, словно встретил призрака. Айлин отложила книгу и подошла к нему, но прежде, чем она успела что-то сказать, в зал вплыла Эмилия.

— Отец Эйден! — проворковала она. — Ах, Вы сегодня такой бледный! На Вас лица нет. Вы, наверное, опять не спали? Я так переживаю за Вас. Я снова принесла Вам укрепляющий отвар. Мой личный рецепт. Вы должны выпить его прямо сейчас. Вот. Я уже налила.

Она протянула кружку, и её пальцы коснулись его руки. Эйден вздрогнул и отшатнулся. Кружка выпала и разбилась о пол.

— Я... простите, — пробормотал он. — Мне нужно...

Он не закончил. Развернулся и почти выбежал из зала, оставив Эмилию с открытым ртом, а Айлин — с нарастающей тревогой. Гертруда, видевшая эту сцену, молча взяла тряпку и начала убирать осколки.

— Чего это с ним? — спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Прямо сам не свой.

— Не знаю, — ответила Айлин. — Но это не из-за разбитой кружки.

Эмилия обиженно фыркнула и ушла, гневно цокая каблучками.

Вечером Айлин нашла Эйдена в его каморке. Он стоял на коленях перед распятием. Она не стала подходить близко. Встала около двери и молча ждала.

Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил.

— Вы сегодня долго работали. Уже поздно. Вам пора домой.

— Я не уйду, пока Вы не скажете, что случилось. Вы выглядите так, словно увидели призрака.

Эйден вздрогнул.

— Это не Ваша забота.

— Возможно, — согласилась она. — Но я вижу, что Вам

плохо. Вы не обязаны говорить мне, что произошло. Но если захотите – я выслушаю.

Он молчал, и она услышала, как дрожит его дыхание.

— Я встретил одного человека, — тихо сказал он наконец. — Из прошлого. Он... он здесь. В городе. Остановился у Блэквуда.

— Кто он?

Эйден покачал головой.

— Не могу. Я не могу об этом говорить. Просто... держитесь от него подальше. Он опасен.

— Опасен для меня или для Вас?

Он не ответил.

Айлин подошла ближе. Не вплотную, но достаточно, чтобы он чувствовал её присутствие.

— Я не знаю, что с Вами сделали в прошлом. И я не спрашиваю. Но Вы не один. Что бы ни случилось – Вы не один.

Эйден закрыл глаза и опустил голову. Было тихо. Свечи догорали. За окном выл ветер. Айлин постояла ещё немного, потом тихо вышла.

Перед сном, лёжа в постели, она думала о том, как дрожал его голос, когда он говорил о человеке из прошлого.

«Кто-то причинил ему страшную боль, — размышляла она. — Кто-то, кто до сих пор имеет над ним власть. И он боится. Не может спать по ночам. Шарахается от прикосновений». Она сжала кулаки. Ей хотелось защитить его. «Я не

позволю, — подумала она, глядя в потолок. — Кто бы это ни был, я не позволю ему снова причинить тебе боль».

Эйден почти не спал. Ночь после встречи с Исайей стала для него пыткой. Он лежал на жёсткой кровати в своей ка-морке, глядя в потолок, и перед его глазами снова и снова вставало лицо настоятеля. Приторная улыбка, масляный го-лос, сальный взгляд. «Мой особенный мальчик».

Он закрыл глаза и помимо своей воли провалился в вос-поминание.

Ему пять лет. Он стоит в углу общей спальни, наказан-ный за какую-то мелкую провинность. Кажется, он разбил глиняную кружку. Босые ноги замёрзли на каменном полу. Другие мальчики уже спят, и в спальне темно, только лун-ный свет падает из узкого окна. Дверь открывается, и вхо-дит отец Исайя. Он держит свечу, и её пламя отбрасыва-ет на его лицо пляшущие тени. «Ты опять провинился, Эй-ден», — говорит он, и его голос мягкий, почти ласковый. Он подходит ближе, кладёт тяжёлую руку на плечо мальчика. «Иди за мной. Я помогу тебе исправиться». Он ведёт его по тёмному коридору в свою келью. Там теплее, пахнет воском и чем-то сладким. Исайя запирает дверь. «Ты особенный, Эйден, — говорит он, заставляя его выпить церковного вина. Его пальцы начинают растёгивать ворот рубашки маль-чика. — Ты мой особенный мальчик. Никому не рассказывай о том, что здесь происходит. Это наша тайна. Если рас-скажешь — тебя накажут. Никто тебе не поверит. Ты же

знаешь, что тебе никто не верит». Маленький Эйден кивает, глядя в пол, и молчит. Он уже знает, что будет дальше.

Эйден резко открыл глаза и сел на кровати. Его трясло. Он обхватил плечи руками и заставил себя дышать медленнее. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. «Это было давно, — сказал он себе. — Это было двадцать лет назад. Ты уже не тот мальчик. Ты выбрался».

Но он не чувствовал себя выбравшимся. Он чувствовал себя всё тем же пятилетним ребёнком, запертым в келье настоятеля, с тяжёлой рукой на плече и голосом, шепчущим на ухо: «Ты мой особенный мальчик».

На следующий день он двигался как в тумане. Служба прошла механически, слова молитв слетали с губ, но не доходили до сердца. Завтрак он пропустил. Обед тоже. Гертруда, заметив его состояние, молча сунула ему в руку краюху хлеба, и он съел её, не чувствуя вкуса.

Айлин сразу заметила, что Эйден выглядел так, словно не спал несколько ночей подряд. Круги под глазами стали глубже, движения замедленными, а пальцы дрожали сильнее обычного. Он не смотрел на неё — он вообще ни на кого не смотрел. Просто делал свою работу: помешивал похлёбку, раздавал хлеб, проверял больных. Молча. Без единой эмоции.

Айлин подошла к Гертруде.

— Что с ним?

— Не знаю, — ответила та, вытирая руки о передник. — Со вчерашнего дня сам не свой. Я спросила — сказал, что всё в порядке. Но ты же его знаешь. Он всегда говорит, что всё в порядке, даже когда умирает.

Айлин знала. Именно это её и тревожило.

В полдень, когда Эйден вышел во двор, чтобы нарубить дров, Айлин увидела в окно, как к приюту подъехал знакомый чёрный экипаж. Из него вышел Блэквуд. Рядом с ним, опираясь на трость, стоял незнакомый ей мужчина. И что-то в том, как он двигался, как смотрел, заставило её похолодеть.

Она вышла во двор и встала у дверей, скрестив руки на груди.

— Лорд Блэквуд, — произнесла она ровно. — Вы сегодня рано.

Кристофер улыбнулся шире.

— Леди Айлин! Какая приятная неожиданность. Я и не знал, что Вы здесь проводите столько времени. Вас, наверное, скоро можно будет записывать в штат приюта. Я заехал навестить нашего дорогого отца Эйдена. И заодно привёз его старого друга. Отец Исайя, мой гость. Он, знаете ли, был наставником отца Эйдена в монастыре Святого Мартина. Они так давно не виделись.

Эйден, рубивший дрова у сарая, замер. Топор застыл в его руке. Он не обернулся.

Исайя улыбнулся и кивнул Айлин.

— Рад познакомиться, леди...?

— Харпер, — ответила она, не протягивая руки.

— Ах, дочь лорда. Какая честь. — Исайя перевёл взгляд на Эйдена, и его улыбка стала чуть шире. — Эйден, мальчик мой. Ты даже не здороваешься со старым наставником?

Эйден медленно опустил топор и повернулся. Его лицо было каменным.

— Добрый день, отец Исайя. Лорд Блэквуд. Чем могу служить?

— Мы просто проезжали мимо, — ответил Кристофер. — Решили заглянуть. У отца Исайи столько трогательных историй о Вашем детстве. Вы были таким... послушным мальчиком.

Исайя кивнул, и его глаза блеснули.

— О да. Эйден всегда был моим любимцем. Таким тихим, таким смиренным. Никогда не жаловался. Никогда не спорил. Золотой ребёнок. Я часто вспоминаю наши вечерние беседы. Помнишь, Эйден? Ты приходил ко мне в келью, и мы говорили о Боге. О смирении. О послушании. Ты так хорошо усваивал уроки.

Каждое слово падало на Эйдена, как удар хлыста. Он стоял, глядя в землю, и сжимал топорище так, что, казалось, мог его расколоть. Айлин видела, как он побледнел, как напряглись его плечи. И что-то в словах настоятеля заставило её внутренне содрогнуться. Она не знала точно, что скрывается за ними, но по тому, как на них реагировал Эйден, она понимала: ничего хорошего.

— Отец Исаяя, — произнесла она ледяным тоном, — если Вы закончили предаваться воспоминаниям, у отца Эйдена много работы. Как и у меня. Не смею Вас задерживать.

Исаяя посмотрел на неё с удивлением, как на неожиданное препятствие.

— Конечно-конечно. Не буду мешать. Мы ещё увидимся, Эйден. Я пробуду здесь ещё несколько дней.

Они ушли. Блэквуд, уходя, бросил на Айлин заинтересованный взгляд.

Когда экипаж скрылся за поворотом, Эйден вернулся к дровам. Но его руки дрожали так сильно, что он не мог удержать топор. Айлин подошла ближе.

— Кто он? — спросила она тихо. — Тот, о ком Вы говорили вчера?

Эйден кивнул, не поднимая глаз.

— Он сделал Вам что-то плохое в детстве. Я права?

Он не ответил. Но его молчание было красноречивым. Айлин сжала кулаки. Она хотела спросить ещё, но что-то в том, как он стоял, опустив плечи, остановило её. Она взяла топор и начала рубить дрова вместо него.

Эмилия появилась через час. Она вплыла в приют с корзинкой сладостей и сияющей улыбкой, но, увидев Эйдена, который сидел в углу общего зала, уставившись в окно, нахмурилась.

— Отец Эйден! — воскликнула она, присаживаясь рядом.

— Выглядите просто ужасно. Можно, я прикоснусь к Вашему лбу? У Вас, наверное, жар.

Он отшатнулся прежде, чем её пальцы коснулись его.

— Я в порядке, мисс Хоторн. Просто устал. Благодарю за заботу.

Она надула губки.

— Вы всегда так говорите. А я ведь от чистого сердца. Почему Вы позволяете леди Айлин быть рядом с собой, а меня избегаете? Она что, особенная?

Эйден поднял на неё усталые, красные от недосыпа глаза, и в них промелькнуло что-то похожее на раздражение.

— Леди Айлин не пытается до меня дотронуться.

— Ах, вот оно что! — Эмилия всплеснула руками. — Так Вы поэтому с ней... дружите? Потому что она держит дистанцию? Но я же не причиню Вам вреда, отец Эйден. Я просто хочу помочь. Вы такой ранимый, такой хрупкий. Вас хочется защищать. Почему Вы мне не доверяете?

— Я никому не доверяю, мисс Хоторн.

Она замолчала, глядя на него, и на мгновение в её глазах промелькнула растерянность. Потом она тряхнула локонами, и привычная уверенность вернулась.

— Ничего, — сказала она. — Я терпеливая. Вы ещё привыкнете.

Она встала и направилась на кухню, а Эйден остался сидеть, глядя в стену. Он думал об Исае, который был здесь, рядом, в гостях у Блэквуда. Что эти двое могут замышлять?

Он не находил ответа.

Блэквуд и отец Исайя вечером сидели в гостиной поместья за бокалами вина. Камин догорал, отбрасывая на стены красноватые блики.

— Расскажите мне о нём, — произнёс Кристофер, вращая бокал в пальцах. — О маленьком Эйдене. Каким он был?

Исайя откинулся на спинку кресла, и его губы изогнулись в ностальгической улыбке.

— Тихим. Очень тихим. Никогда не кричал, не плакал. Другие дети его обижали, а он просто... терпел. Это было в нём с самого начала – эта способность терпеть.

— И Вы этим пользовались, — сказал Блэквуд. Это не был вопрос.

Исайя посмотрел на него долгим взглядом.

— Я его воспитывал, лорд Блэквуд. Вращивал в нём смирение. То, что Вы называете «пользовался», я называю «наставлял». Каждый ребёнок нуждается в наставлении. В строгости. В любви.

— В любви, — повторил Кристофер, и его усмешка стала шире. — Какое тёплое слово. И как долго длилась Ваша... любовь?

— Несколько лет. Потом он вырос. Стал слишком взрослым. Потерял привлекательность. — Исайя вздохнул. — Но он всегда был моим любимцем. Даже сейчас, глядя на него, я вижу того маленького мальчика. Такого испуганного. Такого

послушного.

Блэквуд отпил вина, глядя на огонь.

— Он всё ещё боится Вас. Это видно. Вы могли бы использовать это. Сломать его окончательно.

— Мог бы, — согласился Исая. — Возможно, я это сделаю. Позже.

Он помолчал, и его улыбка стала жёстче.

— А Вы, лорд Блэквуд, похоже, тоже питаете к нему интерес.

— О, да, — ответил Кристофер. — Но иного рода. Я не разделяю Ваших... вкусов. Мне интересно наблюдать за его унижением. За тем, как он страдает. Это забавно. Чужая боль, тщетные надежды, попытки выбраться из-под моей власти приносят мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Тогда у нас много общего.

Они чокнулись бокалами. За окном сгушались сумерки. А в своей камере Эйден стоял на коленях перед распятием, перебирал чётки, и молился о том, чтобы этот визит закончился. Чтобы Исая уехал. Чтобы прошлое наконец оставило его в покое. Но он знал: прошлое никогда не оставляет. Оно ждёт. И возвращается в самый неподходящий момент.

Глава 13.

Исайя всё ещё был в городе. Эйден каждый день видел его то на улице, то у дверей трактира, то в компании Блэквуда, выходящим из экипажа. Каждый раз при виде этой грузной фигуры, опирающейся на трость, его сердце пропускало удар. Каждый раз он отводил глаза и шёл дальше, сжимая чётки до боли в пальцах.

Он почти не спал. Воспоминания, которые он годами загонял вглубь, теперь всплывали каждую ночь. Ему снилась тёплая, душная келья Исайи, пропахшая воском и чем-то сладким. Тяжёлые, властные, неумолимые руки настоятеля. Вкус вина, саднящие от туги завязанной верёвки запястья и острая боль где-то внизу тела. Подушка, пахнувшая потом и чем-то отвратительным, в которую его вжимали лицом. Трещины и пятна на потолке, которые он выучил наизусть.

Он просыпался в холодном поту, с криком, застрявшим в горле, и лежал, чувствуя, как сердце колотится о рёбра. Он запретил себе засыпать. Лучше бессонница, чем эти сны. Лучше изнеможение, чем этот ужас.

В приюте он старался держаться. Дети не должны были видеть его таким. Гертруда не должна была волноваться. Айлин... Айлин видела всё. Он знал, что она видит. Это заставляло его нервничать ещё сильнее.

Однажды утром он стоял на коленях в своей каморке, пытаясь молиться. Слова путались, мысли разбегались, и он чувствовал, как внутри растёт отчаяние. Дверь скрипнула. Он не обернулся. Шаги были лёгкими, почти танцующими. Эмилия.

— Отец Эйден! — проворковала она, присаживаясь на стул рядом с ним. — Вы опять здесь, один. Я так волнуюсь за Вас. Вы не спите, не едите. Я принесла Вам чай с мятой. Он успокаивает нервы. Пожалуйста, выпейте хоть глоток.

Она протянула кружку. Эйден взял её, чтобы не обидеть, и отпил. Чай был горячим и очень сладким. Приторным, как всё, что делала Эмилия.

— Спасибо, — сказал он, возвращая кружку.

— Это всё, что Вы можете сказать? — Она надула губки. — Я стараюсь для Вас, а Вы даже не смотрите на меня. Я ведь не уродина, правда? Многие мужчины находят меня красивой. Почему же Вы не смотрите?

Эйден устало поднял глаза. Эмилия действительно была красива: золотистые волосы, голубые глаза, безупречная кожа. Но её красота не трогала его. Она была как картина в дорогой раме, приятная для глаз, но не вызывающая ничего, кроме лёгкой усталости. Он не знал, как ей это объяснить. Он вообще не умел говорить о таких вещах.

— Вы красивы, мисс Хоторн, — произнёс он. — Дело не в Вас. Дело во мне. Я... я не способен на те чувства, которых Вы, кажется, ждёте. Я дал себе слово посвятить свою жизнь

Богу и людям.

— Слово можно нарушить, — прошептала она, наклоняясь ближе. — Ради любви. Ради страсти. Вы когда-нибудь испытывали страсть, отец Эйден?

Он отшатнулся так резко, что чуть не упал навзничь. Эмилия серебристо рассмеялась, но в смехе её прозвучала нотка разочарования. Она встала, поправила платье и направилась к выходу.

— Вы когда-нибудь передумаете, — бросила она через плечо. — Я терпеливая. Я подожду.

Эйден остался сидеть на полу, глядя в стену. «Страсть». «Любовь». Эти слова были ему чужды. Он запретил себе думать о таких вещах много лет назад, ещё в монастыре, когда понял, что любое проявление желания обычной мирской жизни делает его уязвимым.

Айлин сидела в своей комнате и вспоминала как выглядел Эйден, когда Исая говорил с ним, как дрожали его пальцы, как он избегал прикосновений. Её собственное сердце сжималось при виде его страданий. «Я не знаю, что он сделал с тобой в детстве, — думала она. — Но я знаю, что это было ужасно. Ты не заслужил этого». Она встала, подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. На женщину, которая никогда не думала о мужчинах как о ком-то, кто может быть ей интересен. Которая всегда считала, что любовь и брак — это что-то далёкое, что случится когда-нибудь с кем-то под-

ходящим. «Подходящий, — повторила она про себя. — Кто сказал, что он не подходящий? Он добрый. Он честный. Он заботится о детях так, как никто другой. Он сказал правду в зале, полном лжи. Он... он прекрасен». Она закрыла лицо руками. Это было глупо. Это было безнадежно.

Ближе к вечеру в приют заглянул мальчишка-посыльный с запиской от лорда Блэквуда. Записка была адресована Эйдену и гласила: «Дорогой отец Эйден! Мы с отцом Исайей устраиваем завтра небольшой ужин в моём поместье. Только для самых близких друзей. Вы, разумеется, приглашены. Ваш старый наставник очень хочет с Вами пообщаться. И я тоже. Не откажите. Искренне Ваш, К. Блэквуд».

Эйден прочитал записку, и его лицо стало серым. Он скомкал бумагу и бросил в огонь. Отказаться он не сможет. Он должен был идти. В логово врага. Снова.

Айлин заметила его состояние, но ничего не спросила. Но позже, когда они сидели на скамейке у приюта, нарушила молчание.

— Вы получили приглашение от Блэквуда, — сказала она.
— Я тоже.

Эйден посмотрел на неё с удивлением.

— Вас тоже пригласили?

— Да. На завтрашний ужин. С отцом Исайей.

— Не ходите, — сказал он, и его голос прозвучал резче, чем он хотел. — Это ловушка. Они что-то задумали. Я не

знаю, что именно, но они что-то задумали. Особенно Исая. Вы не должны там быть.

Айлин посмотрела на него долгим взглядом.

— А Вы пойдёте? Вы не можете отказаться. Я знаю. Поэтому я тоже пойду.

— Зачем? — спросил он, и в его голосе прозвучало отчаяние. — Зачем Вам рисковать? Зачем Вам вообще идти туда? Я не понимаю. Я не понимаю, чего Вы хотите!

— Просто примите это. Я иду. Нравится вам это или нет.

Она ушла, оставив его одного на скамейке. Эйден смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри него борются страх и что-то похожее на надежду. Но он не хотел надеяться. Надежда была опасна. Надежда делала уязвимым. А он не мог позволить себе быть уязвимым. Особенно сейчас.

Глава 14.

На следующий день, ближе к вечеру, Эйден стоял перед дверью своего жалкого платяного шкафа и смотрел на парадную рясу. Он провёл пальцами по ткани и подумал, что сегодня заплатка на локте будет меньше всего его заботить.

Главной проблемой был Исайя. Эйдену снова придётся терпеть. Снова оказаться рядом с ним. Слышать его голос. Чувствовать его сальный, оценивающий, раздевающий взгляд. Всё это будет. И он должен будет это выдержать.

Эйден закрыл глаза и сделал несколько медленных вдохов. Мысль об Айлин, которая тоже будет там, не приносила облегчения. Она сказала, что пойдёт. Сказала, что будет рядом. Но что это значит? Что она сможет сделать? Броситься между ним и Исайей? Заслонить его собой? Это было невозможно. И это было унижительно – нуждаться в защите женщины. Возможно, она вообще играет на их стороне.

«Ты справишься, — сказал он себе. — Ты справлялся раньше. Справишься и сейчас. Ты просто должен терпеть. Как всегда».

Он медленно оделся, тщательно застегнул все пуговицы. Достал чётки с острыми краями бусин, которые обычно не носил. Если он будет сжимать их достаточно сильно, боль поможет ему оставаться в сознании. Не проваливаться в воспоминания. Не давать им власти над собой.

Экипаж ждал его у ворот. Он сел в него с тем же чувством, с каким приговорённый к смерти всходит на эшафот.

В поместье Блэквуда сегодня было тихо — никакого бала, никаких толп гостей. Только избранные. Когда Эйден вошёл в малую столовую, он увидел Кристофера, который стоял у камина с бокалом вина, и Исайю, сидящего в кресле. Его фигура, знакомая до тошноты, была облачена в чёрную сутану из дорогой ткани. На губах играла всё та же приторная улыбка. За столом уже сидела Эмилия с сияющими глазами. И Айлин. Она выглядела собранной и спокойной. Её взгляд на мгновение задержался на Эйдене, и она чуть заметно кивнула.

— Отец Эйден! — воскликнул Блэквуд, разводя руки в приветственном жесте. — Вы всё-таки пришли! Я так рад. Прощу, садитесь. Место рядом с отцом Исайей как раз свободно.

Эйден сел. Стул оказался слишком близко к Исае. Он чувствовал приторный и тяжёлый запах его одеколона. Его плечи напряглись, пальцы сжали чётки под столом.

— Какой приятный вечер, — произнёс Исайя, не глядя на Эйдена, но явно обращаясь к нему. — Так тепло, так уютно. И компания такая... избранная. Лорд Блэквуд, у вас прекрасный вкус.

— Стараюсь, — ответил Кристофер с улыбкой. — Я хотел, чтобы этот ужин был особенным. Таким, где можно говорить откровенно. Без лишних ушей. Без масок. Уверен,

нам есть что обсудить.

Эмилия, сидевшая напротив, хлопнула в ладоши.

— О, я обожаю откровенные разговоры! Особенно в такой прекрасной компании. Отец Эйден, Вы сегодня такой молчаливый. Расскажите что-нибудь. Отец Исаяя говорит, что вы были очень интересным ребёнком. Что вы любили читать, любили молиться. Что вы были таким... послушным.

— Я был обычным ребёнком, — глухо ответил Эйден, глядя в тарелку.

— О нет, — возразил Исаяя, и его голос стал мягким, почти интимным. — Ты не был обычным, Эйден. Ты был особенным. Я всегда это знал. Помнишь, как ты приходил ко мне в келью по вечерам? Мы говорили о Боге, о смирении, о послушании. Ты так хорошо усваивал уроки. Так быстро учился. — Он сделал паузу. — Я часто думаю о тех временах. О наших беседах. О том, как ты дрожал, когда я наставлял тебя.

В комнате повисла тишина. Айлин замерла с поднятой вилкой. Эмилия перестала улыбаться.

Эйден сидел, не шевелясь. Его дыхание сбилось.

— Отец Исаяя, — произнесла Айлин ледяным тоном. — Мне кажется, Ваши воспоминания несколько... неуместны за ужином.

— О, простите, — ответил он, и его улыбка стала шире. — Я просто предаюсь ностальгии. Старики любят вспоминать прошлое. А Эйден... он был таким милым ребёнком.

Таким невинным. Я всегда хотел защитить его. Уберечь от жестокого мира.

— Защитить, — медленно повторила Айлин.

Кристофер, наблюдавший за этой сценой, поднял бокал.

— За новых друзей. И за старые тайны. Пусть этот вечер будет запоминающимся.

Эйден поднялся. Его лицо было белым как мел.

— Прошу прощения, — выдавил он. — Мне нужно выйти. На минуту.

Он вышел из комнаты, не дожидаясь ответа. Прошёл через холл, распахнул дверь на террасу и вышел на воздух. Его трясло. Он прислонился к балюстраде, чувствуя, как нагретый палящим солнцем камень обжигает сквозь рясу. Горячий июньский воздух, наполненный липким ароматом роз и жимолости, не помогал успокоиться. Голос Исайи всё ещё звучал у него в ушах. «Ты дрожал, когда я наставлял тебя». Его тошнило. Он сжал перила так сильно, что пальцы онемели, и попытался дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Но воздух не доходил до лёгких. Вокруг сгущалась та самая темнота, которую он так ненавидел. В которой жили руки Исайи и его шёпот: «Ты мой особенный мальчик».

Дверь позади него скрипнула, но он не обернулся. Айлин встала рядом, опираясь на перила, и молча смотрела на закат. Она ничего не говорила. И её спокойное молчание удерживало его на краю наступающей темноты.

— Вам не обязательно быть здесь, — произнёс он нако-

нец, и голос его был хриплым.

Она промолчала.

Он закрыл глаза и опустил голову. Его плечи дрожали, и он уже не мог это скрыть. На краткий миг ему показалось, что темнота отступила. Совсем чуть-чуть.

Когда они вернулись к столу, Кристофер во всю флиртовал с Эмилией. Она же с удовольствием принимала его ухаживания, рассыпаясь звонким смехом. Отец Исая многозначительно поглядывал на Эйдена.

— Леди Айлин, Вы вернулись! А я уже успел соскучиться, — мгновенно переключился на неё Кристофер, как только она села на своё место. — Прошу Вас, выпейте ещё вина. Отец Исая преподнёс мне самое лучшее церковное. У него чарующий вкус!

— О да, его можно найти только в столичном храме и нашем монастыре! — воскликнул Исая. — Эйден, наверное, скучал по этому вину, он так любил его!

Эйден вздрогнул. Он помнил этот вкус. Как и то, что следовало за его распитием.

— Благодарю, но мне достаточно вина. С Вашего позволения я буду пить воду. — сухо ответила Айлин.

— Ах, лорд Блэквуд, Вы абсолютно правы, вино чудесное, — пропела Эмилия. — Налейте ещё отцу Эйдену, пусть насладится воспоминаниями! Чудесная компания, прекрасное вино, замечательный вечер! Нам непременно нужно собраться так ещё!

— Мисс Хоторн, Вы абсолютно правы, — засмеялся Ис-
айя, похлопывая Эйдена по руке. — Нам с Эйденем одно-
значно есть, что вспомнить. А в компании очаровательных
дам это становится ещё более... пикантным.

Эйден сидел, замерев, будто превратился в статую. Каза-
лось, он даже забыл, как дышать. Он был уже не здесь, он
снова оказался в прошлом, в той келье, на той кровати, при-
давленный тяжестью чужого тела. Исайя явно был доволен
произведённым эффектом. Блэквуд ядовито улыбался. Ай-
лин стиснула зубы. Эмилия же не замечала изменившейся
атмосферы, рассказывая что-то о винах из погреба своего
отца и что он хочет открыть винокурню.

Ужин закончился, и Эйден на негнущихся ногах медленно
вышел из особняка. Эмилия увязалась следом, пытаясь под-
хватить его под локоть, лепеча про чудесный вечер. Айлин
шла чуть позади, полная злости и тревоги. Пусть она не зна-
ла подробностей прошлого Эйдена, но понимала, что Исайя
превратил его жизнь в кошмар. И она хотела это изменить.

Глава 15.

Когда Эйден вернулся в свою каморку той ночью, привычного приступа самобичевания не случилось. Обычно после таких встреч он часами стоял на коленях перед распятием, шепча молитвы и обвиняя себя во всех мыслимых грехах. Но сегодня он просто сел на кровать, сжимая в руках чётки, и заставил себя думать. Не о прошлом. Не об Исайе. Об Айлин.

Она была там. Она снова встала на его защиту. Не с мечом, не с криком, просто словами, холодными и точными, как лезвие. «Ваши воспоминания неуместны за ужином». Она сказала это так, что даже Исайя на мгновение замолчал. Даже Блэквуд отвёл глаза.

«Почему? — думал Эйден, глядя на пламя свечи. — Почему она это делает? Она не могла не понять, о чём говорил Исайя. Она умна. Она всё поняла. И она не отшатнулась. Не посмотрела на меня с отвращением. Не использовала это против меня. Почему?»

Он не находил ответа. Но впервые за долгое время он не пытался убедить себя, что за этим кроется какой-то коварный план. Он позволил себе признать: она была рядом. И это помогло.

Айлин лежала в своей постели, глядя в потолок, и про-

кручивала в голове сцену за ужином. Слова Исайи. То, как Эйден побледнел. То, как дрожали его пальцы. То, как он вышел, не выдержав.

«Он насильовал его, — поняла она, и эта мысль была холодной и ясной, как зимнее утро. — Этот «наставник» насильовал Эйдена, когда тот был ребёнком. И продолжает наслаждаться его страхом сейчас. А Блэквуд... Блэквуд ему подыгрывает. Они оба получают удовольствие от его боли».

Она в гневе ударила подушку. Ей хотелось вернуться в тот дом и сделать то, чего она не сделала за ужином. Не просто осадить Исайю словами. Она хотела... уничтожить его. Она решила, что не позволит этому продолжаться. Она должна узнать больше. Об Исае. О прошлом Эйдена. О том, что можно использовать против этих двоих.

На следующий день она начала действовать. Отец был её первым источником информации — у лорда Эдрика были связи по всему округу. За завтраком она как бы между прочим спросила, не слышал ли он что-нибудь о настоятеле монастыря по имени Исайя. Лорд Эдрик задумался, потом пожал плечами и ответил, что имя знакомое, но ничего конкретного он не знает. Впрочем, пообещал навести справки. Айлин знала: если отец что-то пообещал, он сделает.

Эйден же был слишком занят собственными мыслями и собственным смятением. После того ужина что-то изменилось в его отношении к Айлин. Он всё ещё не доверял ей полностью — он не мог доверять никому, это было вбито в него

слишком глубоко. Но теперь, когда она приходила в приют, он ждал... её. Её присутствия. Её молчания. Её спокойного, уверенного голоса. Это было новое, странное чувство. Оно пугало его. Но он не мог от него избавиться.

В поместье Блэквуда двое мужчин сидели у камина с бокалами вина. Кристофер вертел бокал в пальцах, глядя на огонь. Исая сидел напротив, и его лицо в отблесках пламени казалось особенно неприятным.

— Леди Айлин становится проблемой, — заметил Кристофер. — Она защищает его. Вы видели её лицо за ужином? Она готова была Вас убить.

— Я видел, — ответил Исая. — Она не боится. И не сломаётся от пары слов.

— Значит, нужно подойти иначе. Убрать её с дороги. Или отвлечь. Или... — Кристофер сделал паузу, и его губы изогнулись в усмешке. — Сделать так, чтобы Эйден сам её оттолкнул. Если он поверит, что она его предала, он больше никогда ей не доверится. Вы же знаете его. Он ждёт предательства. Нужно только дать ему повод.

Исая кивнул. Его глаза блеснули.

— У меня есть идея. Нужно найти кого-то, кто согласится сыграть роль. Кого-то, кому Айлин доверяет. Или кого-то, кто может подделать письмо. Улику. Что-то, что убедит Эйдена, что она всё это время играла с ним.

— Письмо, — повторил Кристофер задумчиво. — От неё.

Кому-то. С насмешками над ним. С признанием, что она приблизилась к нему и добивалась его доверия на спор. Или из жалости. Он этому поверит. Он всегда верит в худшее.

Они переглянулись. Исайя кивнул.

— Я знаю человека, который может подделать почерк. Осталось только узнать, кому она пишет. И перехватить письмо — нужен образец её почерка. Мне нужно немного времени.

— Это я устрою, — сказал Кристофер, отпивая вино. — У меня есть доступ к некоторым бумагам Харперов. Старые счета, записи. Этого хватит.

Они чокнулись бокалами. За окном выл ветер. А в маленькой холодной каморке Эйден стоял на коленях перед распятием и впервые за долгое время молился не о том, чтобы прошлое оставило его. Он молился о том, чтобы будущее, каким бы оно ни было, включало её.

Глава 16.

Через четыре дня Эйден нашёл письмо утром на пороге приюта. Сложенный лист бумаги лежал, придавленный камнем, чтобы не унесло ветром. Он поднял его, развернул, и первые же строки ударили его, как хлыстом.

Почерк был знакомым. Твёрдый, чуть угловатый, с характерным наклоном влево. Так писала Айлин. Он видел этот почерк в приютских записях, в заметках о пожертвованиях, в списках необходимых лекарств, которые она составляла. Ошибиться было невозможно.

«Я говорила тебе, что это будет забавно, — гласило письмо. — Ты не верила, но посмотри на него теперь. Он действительно думает, что я помогаю ему из доброты. Он смотрит на меня так, словно я — единственный человек, который его не презирает. Это почти трогательно. Почти жалко. Спор выигран. Твоя очередь платить. P.S. Отец спрашивал, не собираюсь ли я за него замуж. Я рассмеялась. За кого? За священника, который выглядит как полутруп и который вздрагивает от прикосновений?»

Эйден прочитал письмо трижды. В груди неприятно царапало. Потом он аккуратно сложил его и убрал в карман рясы. Он не разрыдался, не закричал. Не бросился к Айлин с обвинениями. Он пошёл в церковь и начал готовиться к утренней службе, как делал это каждое утро. Его движения были

механическими, лицо — каменным.

Весь день он работал с травами. Гертруда что-то заподозрила, но, глядя на его лицо, не решилась спрашивать. Айлин не пришла в тот день — она уехала с отцом в соседнее поместье, и это было для Эйдена милостью судьбы.

Ночью, заперев дверь комнаты, он устало сел на пол. «Ты знал. Ты всегда знал, что так будет. И ты всё равно позволил себе... что? Надеяться? Ты — жалкий, грязный, сломанный. Кому ты нужен? Кто захочет быть с тобой рядом? Она играла с тобой, как кошка с мышкой. И ты попался. Ты никогда не учишься. Ты заслужил это».

Он методично, одно за другим, начал перебирать воспоминания. Все случаи, когда она была добра к нему. Все случаи, когда она защищала его. Все случаи, когда она была рядом. Теперь, в свете этого письма, все они выглядели иначе. Холоднее. Расчётливее.

«Она написала, что я «забавный», — думал он. — Она написала, что это «трогательно». Она назвала меня полутрупом».

Он закрыл глаза и не заметил, как из-под ресниц потекли слёзы. Этой ночью он не молился.

На следующее утро Айлин вернулась. Она пришла в приют с корзинкой свежих пирожков, купленных для детей. Эйден стоял у стола и нарезал мясо на жаркое. Он не обернулся, когда она вошла.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе, — ответил он, не глядя на неё.

Она сразу почувствовала неладное. Из-за тона, из-за того, как он стоял – ещё более напряжённый, чем обычно.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Ничего.

— Вы лжёте.

— Я священник. Я не лгу.

— Вы только что солгали.

Он ничего не ответил. Она поставила корзинку на стол и шагнула ближе. Он отступил. В её груди что-то сжалось.

— Эйден, — сказала она тихо, впервые назвав его просто по имени. — Посмотрите на меня.

Он не посмотрел, продолжая нарезать мясо.

— Мне нужно работать, леди Айлин. Если Вы хотите помочь – займите детей.

Она постояла ещё несколько секунд, глядя на его спину. Потом взяла корзинку и вышла. В общем зале её ждали дети, и она заставила себя улыбнуться. Раздала им пирожки, начала читать им книгу. Но внутри неё всё кипело. Что-то случилось. Что-то серьёзное. И она должна была узнать, что.

Эмилия появилась ближе к полудню. Она вплыла в приют, сияя, с очередной корзинкой сладостей, и немедленно направилась к Эйдену.

— Отец Эйден! Вы сегодня такой мрачный. Что случи-

лось? Вас кто-то обидел?

— Нет.

— Ну же, поделитесь со мной. Я умею слушать. Я умею утешать. — Она коснулась его плеча, и он вздрогнул, но не отстранился. Просто замер.

— Спасибо, мисс Хоторн, — сказал он. — Мне не нужна помощь.

— Ах, Вы всегда так говорите! Но я же вижу. Вы страдаете. Вы такой чувствительный, такой ранимый. Я могла бы...

— Мисс Хоторн, — перебил он, и в его голосе прозвучала сталь, которой она никогда раньше не слышала. — Мои страдания – моё личное дело. Ваше внимание ко мне неуместно.

Она отшатнулась, уязвлённая. Её щёки порозовели. Она открыла рот, чтобы возразить, но он уже развернулся и вышел из кухни, оставив её одну с чувством жгучей обиды.

Кристофер появился в приюте без предупреждения тем же вечером, когда Айлин уже уехала, а Эйден заканчивал прибирать общий зал. Он стоял в дверях, опираясь плечом о косяк, с небрежной улыбкой и ленивым прищуром, и ждал, пока Эйден домоеет полы.

— Отец Эйден, — произнёс он, и его голос был мягким, почти сочувственным. — Выглядите ужасно. Опять не спали? Впрочем, я не об этом. Я пришёл поговорить. Как друг. Эйден напрягся.

— О чём?

— О леди Айлин, разумеется. Вы заметили, что она проводит с Вами подозрительно много времени? Вы знаете, почему?

— Она помогает приюту, — глухо ответил Эйден.

— О, да, конечно. Приюту. — Блэквуд улыбнулся. — А Вы не задумывались, почему дочь лорда, у которой есть всё, вдруг решила посвятить себя чистке картошки и чтению книжек сиротам? Вы не находите это... странным?

Эйден молчал.

— Я скажу вам, почему, — продолжал Кристофер. — Это спор. Она поспорила со своей кухней, что сможет завоевать доверие самого нелюдимого человека в округе. Связать его невидимыми нитями, заставить смотреть на неё с обожанием, а потом – посмеяться. И знаете что? Она выиграла.

Эйден побледнел.

— Откуда Вы знаете? — спросил он.

— Я знаю многое. — Блэквуд пожал плечами. — Я дружен с её семьёй. Я слышал разговоры. Я видел письма. Она хорошо играет свою роль, не правда ли? Вы действительно поверили, что кому-то может быть до Вас дело? Вы – запуганный, дёрганный священник с кучей шрамов и прошлым, о котором Вы никому не рассказываете? Кому Вы нужны, отец Эйден? Особенно такой женщине, как она? Сильной, красивой, независимой аристократке. Зачем ей Вы?

Эйден стоял, глядя в пол. Внутри него что-то рушилось. Он ждал этого. Он знал, что это произойдёт. Но от этого бы-

ло не легче.

— Я не знаю, — прошептал он.

— Вот именно, — сказал Кристофер. — Вы не знаете. А я знаю. И я хочу Вас предупредить. Берегитесь. Она опасна. Она растопчет Вас и пойдёт дальше, даже не оглянувшись. Я говорю это как друг.

Он ушёл, оставив Эйдена одного в зале. Тот стоял, сжимая чётки, и чувствовал, как темнота сгущается вокруг него. Письмо. Слова Блэквуда. Её поведение. Всё складывалось в одну холодную, безжалостную картину, не оставляющую надежды.

«Ты знал, — повторял он себе. — Ты всегда знал».

Айлин была в бешенстве. Уже час она рубила мечом тренировочный манекен, и прокручивала в голове последние дни. Что-то случилось с Эйденем. Он отстранился. Он избегал её. Он смотрел на неё так, словно она была врагом. После того, как он позволил себе расслабиться рядом с ней? После того, как она защищала его перед Блэквудом и Исайей?

«Этого не может быть просто так, — думала она. — Кто-то вбил клин между нами. Блэквуд. Или Исайя. Или оба. Они что-то сделали. Что-то, что заставило его мне не доверять».

Среди цветущих яблонь гулял ветер. Она закончила тренировку, убрала меч и вытерла пот. Завтра она пойдёт в приют. И она заставит его говорить. Узнает правду.

Эйден провёл ночь без сна. Он лежал на своей жёсткой кровати и смотрел в потолок. Письмо лежало в кармане рубашки, и он чувствовал его тяжесть. Оно жгло его, как клеймо.

«Ты должен забыть о ней, — говорил он себе. — Ты должен перестать с ней общаться. Она использовала тебя. Она играла с тобой. Ты должен защитить себя. Ты должен...»

Но другая часть его, та, которая помнила, как она стояла рядом на террасе, защищала на ужине с Исайей и на приёме перед всеми, эта часть не хотела верить. «А что, если письмо – подделка? — шептал внутренний голос. — Что, если Блэквуд лжёт? Ты же знаешь его. Он манипулятор. Он получает удовольствие от чужой боли. И ему нравится Айлин. Ты видел, как он на неё смотрит. А она... она никогда не причиняла тебе боль. Она ни разу не дала повода сомневаться в ней. Почему ты так легко веришь в худшее?»

«Потому что худшее – это всё, что я знаю», — ответил он сам себе.

Утром Айлин пришла в приют раньше обычного. Она нашла Эйдена на кухне. Он пил чай перед тем, как отправиться в церковь.

Она села напротив него и стала ждать.

Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил.

— Вы пришли рано.

— Я хотела поговорить с Вами.

— О чём?

— О том, что случилось. Вы изменились. Вы избегаете меня. Вы не смотрите на меня. Что произошло?

Он молчал, и она видела, как он напрягся. Потом он медленно поднялся, подошёл к ней и достал из кармана сложенный лист бумаги.

— Вот, — сказал он, протягивая ей письмо. — Прочитайте.

Она взяла письмо, развернула и начала читать. По мере того, как строки разворачивались перед её глазами, её лицо становилось всё более мрачным.

— Я этого не писала, — сказала она, закончив читать.

— Почерк ваш.

— Почерк похож, — согласилась она. — Но это не я. Я никогда ни с кем не спорила о Вас. Я никогда не называла Вас «полутрупом». Я никогда не стала бы писать такое. — Она подняла на него глаза, и в её взгляде была ярость. — Вы верите мне?

Эйден молчал, и это молчание ранило её.

— Вы не верите, — сказала она. — Вы думаете, что я способна на такое. Вы думаете, что я играла с Вами.

— Я не знаю, чему верить, — ответил он. — Всю мою жизнь, когда кто-то был добр ко мне, за этим следовала боль. Каждый раз. Без исключений. И я... я ждал, когда это случится с Вами. Я ждал, что Вы... что вы окажетесь такой же, как все. И теперь...

— И теперь Вы получили «доказательство», — переби-

ла она. — Письмо с моим почерком. И слова Блэквуда, да? Гертруда сказала, что он приезжал вчера. Он что-то говорил Вам.

Эйден вздрогнул.

— Откуда Вы знаете?

— Потому что это в его стиле. Он манипулирует людьми. Он настраивает их друг против друга. Он получает от этого удовольствие. И он использует Исайю, чтобы давить на Вас. А Вы... Вы верите им. Вы верите им, а не мне.

Она встала, и её голос стал резче.

— Я не знаю, что он Вам говорил. Но я не писала это письмо. Я никогда не причиняла Вам боль. Никогда не использовала Вас. И я никогда не стала бы делать то, в чём Вы меня обвиняете.

Она положила письмо на стол и направилась к выходу. Эйден смотрел ей вслед, и внутри него что-то кричало. «Останови её. Скажи что-нибудь. Она уходит. И ты больше никогда её не увидишь». Но он не смог произнести ни слова.

Она вернулась через час с корзиной продуктов с рынка. Молча встала у плиты и начала готовить.

— Айлин, — позвал он.

Она обернулась.

— Я... я не знаю, что думать. Я запутался. Я всегда жду предательства. Я не умею по-другому. Я... я боюсь. Даже сейчас. Вы ушли на рынок, а я подумал, что Вы больше никогда не вернётесь.

Она медленно повернулась. Её глаза были мокрыми, но голос — твёрдым.

— Я знаю, что Вы боитесь. И если Вы не можете поверить мне сейчас, я подожду. Я буду уходить. Домой. На рынок. Уезжать по делам. Но я не брошу ни Вас, ни приют. Это жизнь, отец Эйден.

— Я постараюсь поверить Вам. Но не обещаю, что у меня получится.

Глава 17.

На следующий день Эйден стоял у окна в общем зале приюта и смотрел на калитку. Он не хотел признавать это, но он ждал Айлин. Когда она не пришла в обычное время – он вышел и медленно пошёл к воротам, сам не веря в то, что делает. Некоторое время он просто смотрел на дорогу, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он боялся, что она не придёт. Что он опять зря поверил. С тяжёлым сердцем он вернулся обратно в приют.

Айлин пришла к обеду, кивнула Гертруде, потрепала по голове пробежавшего мимо Питера и направилась к Эйдену. Тот сидел в углу общего зала и зашивал платье Мэри. Он смотрел на неё и чувствовал, как тревога постепенно отпускает.

— Вы всё ещё думаете, что я написала то письмо? — спросила она без предисловий.

— Нет, — ответил Эйден. — Вернее... я не знаю. Но я хочу верить, что нет.

— Уже прогресс. — Она чуть усмехнулась, но её глаза оставались серьёзными. — Я найду того, кто это сделал. И докажу Вам.

— Как?

— У меня есть свои способы.

Дети, увидев её, немедленно облепили со всех сторон. Она

села на скамейку, достала книгу и начала читать тем же спокойным, ровным голосом, каким читала всегда. Но Эйден заметил, что она поглядывает на него чаще обычного. И он ловил себя на том, что тоже смотрит на неё.

Вечером, когда дети уже спали, а Гертруда ушла к себе, Айлин рассказала ему то, что узнала за последние дни. Она говорила коротко, по делу, словно отчитывалась перед командиром. Исайю уже несколько раз обвиняли в издевательствах над детьми в монастыре, но каждый раз дело заминали. У него были покровители в церковной иерархии и среди аристократов. Блэквуд, по-видимому, стал одним из них. Они оба получали удовольствие от чужой боли, каждый по-своему.

— Я не знаю, что именно он делал с Вами, — сказала она. — И Вы не обязаны рассказывать. Но я знаю достаточно, чтобы понять: этот человек — чудовище. И он не остановится, пока не уничтожит Вас. Если только кто-то не остановит его первым.

Эйден молчал, но заставлял себя слушать. Она говорила о его прошлом, о том, о чём он никогда никому не рассказывал, и ей не нужно было слов, чтобы понять. Она уже поняла.

— Почему Вы это делаете? — спросил он наконец. — Почему Вы... помогаете мне? Именно мне, не приюту.

— Потому что Вы хороший человек, — ответила она. — Вы не заслужили того, что с Вами случилось. И я не могу

стоять в стороне, когда вижу несправедливость. Вы это хотели услышать?

Он не знал, чего он хотел. Но её простые, прямые слова, звучали как правда. Впервые за долгое время он позволил себе поверить.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. — Она встала. — Завтра я продолжу. И да, отец Эйден... Вы не полутруп. Вы – человек, который всё ещё стоит. Помните об этом.

Она ушла, а он остался сидеть на скамейке, глядя на звёзды. Её слова всё ещё звучали у него в голове. «Вы – человек, который всё ещё стоит». Она запомнила.

Следующие несколько дней прошли в том же духе. Айлин приходила в приют, работала, общалась с детьми, а потом, когда выпадала свободная минута, уходила куда-то по своим делам. Эйден не спрашивал – он знал, что она продолжает расследование. Он доверял ей. Это было новое, непривычное чувство, но он позволил себе принять его.

Через Тима, конюха, Айлин узнала, что какой-то человек из соседнего городка несколько дней назад приезжал в поместье Блэквуда. По описанию – неприметный, средних лет, с сумкой писаря. Этого было достаточно, чтобы понять: письмо подделал профессионал. Осталось найти его и заставить говорить. Эйден, услышавший этот разговор, немного расслабился. Хотя прямых доказательств ещё не было, он знал

насколько подлыми был Блэквуд и подделать письмо было в его духе.

Отец, лорд Эдрик, вызвал её к себе в кабинет однажды вечером и спросил напрямик, что происходит. Айлин не стала лгать. Она рассказала ему всё, что знала об Исайе, о Блэквуде, об их планах. Лорд выслушал молча, а потом ответил просто: «Я помогу». Он сам зарылся в старые архивы, переписки, документы, которые могли бы пролить свет на тёмное прошлое Исайи. Направил письма своим друзьям. И в ответе, присланном с севера, нашлось главное: три письма от родителей, чьих детей держали в том монастыре, с жалобами на настоятеля. Жалобы были старыми, пожелтевшими, но они были.

Лорд Эдрик перечитал письмо от канонника дважды. Первый раз – быстро, ища главное. Второй – медленно, вчитываясь в каждую строчку. Жалобы были старые, пожелтевшие, но настоящие. Этого хватило бы, чтобы заставить Исайю убраться из города. Но не хватило бы, чтобы спасти приют, если Блэквуд не решит остановиться.

Он уже собирался отложить бумаги, когда заметил на последней странице приписку. Почерк каноника, торопливый, чуть сбивчивый, словно тот писал в спешке, дописывая уже после того, как закончил основное.

«P.S. Разбирая старые бумаги, наткнулся на любопытный документ. Закон "О защищённом статусе прихода", ещё со времён первых королей. Если священник состоит в браке с

аристократкой, его приход переходит под защиту короны — его нельзя закрыть, землю нельзя отобрать. На род супруги ложатся обязательства: ремонт, содержание, налоги. Поэтому закон почти не применяется — аристократы не хотят платить за церковь, а церковь не хочет зависеть от аристократов. Последний раз к нему обращались лет сто назад, не меньше.

Я вспомнил о нём, потому что ты писал о приюте. Мало кто о нём помнит. Но он есть. Если когда-нибудь возникнет угроза — теперь ты знаешь, что такой закон существует. Твой друг, каноник Габриэль».

Лорд Эдрик отложил письмо и задумался. Закон. Старый, забытый, почти не применяемый. Но он есть. Он посмотрел на огонь в камине и запомнил. Просто на всякий случай. Мало ли что.

— Этого мало для суда, — сказал лорд Эдрик дочери. — Но достаточно, чтобы заставить его убраться отсюда и больше никогда не возвращаться. Если пригрозить ему оглаской, он исчезнет сам. Такие люди всегда предпочитают бегство.

Айлин кивнула. Она отправилась к Блэкууду тем же вечером. Не одна, а с отцом, что придавало визиту вес. В гостиной поместья она выложила письма на стол и спокойно, без угроз, произнесла: «Передайте отцу Исайе, что его присутствие в этом округе более нежелательно. Если он не покинет город в течение трёх дней, эти письма будут переда-

ны епископу. И поверьте, лорд Блэквуд, Вашему положению это тоже не пойдёт на пользу. Вы можете сколько угодно играть в свои игры, но не рассчитывайте, что мы будем стоять и смотреть».

Кристофер, к его чести, не стал отпираться или возмущаться. Он просто холодно, оценивающе улыбнулся, и кивнул. Исайя уехал через два дня. Никто не знал, куда именно, но его больше не видели в городе. Для Эйдена это стало освобождением. Он почувствовал, как что-то внутри него, что было сжато в тугой узел эти бесконечные дни, наконец-то немного расслабилось.

В приюте тем временем назревали перемены иного рода. Строительство школы для сирот и детей простолюдин, о котором Айлин говорила с самого начала, наконец-то должно было начаться. Лорд Эдрик выделил средства, и они вместе с Эйденom и Айлин обсуждали, где лучше разместить здание и сколько нужно учителей. Эйден, который никогда не думал, что его мнение будет кого-то интересовать в таких вопросах, впервые оказался вовлечён в проект, выходящий за пределы его обычных забот. Это было странно, но приятно.

Что касается личных чувств – они никуда не делись. Айлин всё ещё смотрела на Эйдена чаще, чем следовало, а он всё ещё не знал, что с этим делать. Но теперь, когда Исайя уехал, а Блэквуд временно затих, у них появилось время. Время, чтобы узнать друг друга лучше, чтобы он привык к

тому, что она рядом, чтобы она поняла, готова ли она ждать.
И никто из них пока не знал, чем это кончится.

Глава 18.

На следующий день после отъезда Исаяи Эйден проснулся с чувством, которого не испытывал уже много лет. Он не сразу понял, что это такое. Лёгкость? Пустота? Облегчение. Глубокое, почти физическое облегчение, словно с его плеч сняли невидимый груз, который он таскал так долго, что уже привык считать частью себя.

Он встал, умылся ледяной водой, оделся и вышел во двор. Солнце только начинало всходить, и воздух был прозрачным и холодным. Он стоял, глядя на светлеющее небо, вдыхая запахи цветущих лаванды и бергамота. И не ждал, что из-за угла появится знакомый грузный силуэт, с тростью и приторной улыбкой. Исаяя уехал. Он действительно уехал. Айлин сделала это. Она собрала улики, пошла к Блэквуду и заставила его отступить. Ради него. Ради справедливости, как она сказала.

«Ради справедливости», — повторил он про себя, и это слово звучало правильно. Она всегда говорила о справедливости. Это было логично. Это было понятно. Это не требовало от него никаких ответных чувств, никакой благодарности, которую он не умел выражать.

Он пошёл в приют. Дети ещё спали, но Гертруда уже вошла на кухню. Она глянула на него и хмыкнула.

— Ты сегодня какой-то другой, отец Эйден.

— Другой?

— Ну, не такойдохлый, как вчера. Может, даже поел?

— Я... — он запнулся и вдруг понял, что не помнит, когда в последний раз нормально ел. — Кажется, нет.

— Так я и знала. — Она сунула ему в руки тарелку каши и кусок хлеба. — Ешь. Леди Айлин скоро придёт, а ты опять будешь падать в обморок.

Он взял хлеб и, помедлив, откусил кусок. Хлеб был свежим, с хрустящей корочкой, и он почувствовал вкус – настоящий вкус, а не просто текстуру. Странно.

Айлин пришла через час. Она выглядела уставшей, но в её глазах был тот же спокойный, уверенный огонёк, который он привык видеть. Она кивнула ему, как обычно, и сразу прошла в общий зал, где её уже ждали дети. Но, прежде чем сесть с ними, она на мгновение задержалась рядом с ним.

— Вы сегодня лучше выглядите, — сказала она.

— Вы тоже, — ответил он и осёкся, потому что это прозвучало глупо. Но она чуть улыбнулась и прошла дальше.

Они работали вместе: Айлин занималась с младшими, пока старшие помогали Гертруде, а Эйден наконец-то взялся за починку протекающей крыши. Вечером, уложив детей, они снова оказались вдвоём на скамейке у входа.

— Я должен поблагодарить Вас, — сказал он, глядя на звёзды.

— За что?

— За Исайю. За то, что Вы сделали. Я не просил, но Вы...

Вы сделали это.

— Я сделала это, потому что это было правильно, — ответила она. — Он опасный человек. Он не должен был оставаться здесь.

Эйден кивнул. «Потому что это было правильно». Не «ради Вас». Не «потому что Вы мне дороги». Просто правильный поступок. Так было легче. Так он мог принять это, не чувствуя себя обязанным.

Они замолчали. Тишина была долгой, но не неловкой — они оба привыкали к ней. Эйден ждал продолжения, что она добавит что-то ещё. То, что превратит её помощь в сделку. Но она молчала. Она просто сидела рядом и пила чай.

«Почему?» — снова спросил он себя. Он никак не мог найти ответ. Может быть, она действительно делала это просто потому, что так было правильно. Может быть, ей не нужна была его благодарность. Может быть, она не ждала ничего. Но его разум, привыкший искать скрытые мотивы, не мог принять эту простоту. «Никто ничего не делает просто так, — напомнил он себе. — Даже она. Ты просто ещё не понял, какова её цель».

Он покосился на неё. Она сидела, откинувшись на спинку скамейки, и её лицо было спокойным. Она выглядела так, словно ей действительно было достаточно просто быть здесь.

На следующее утро в приют пришла Эмилия. Она была в новом платье — на этот раз ярко-жёлтом, с оборками и лента-

ми. В руках она держала корзинку со сладостями, и её улыбка сияла, как начищенная монета.

— Доброе утро всем! — проворковала она, вплывая в общий зал. — Я принесла угощение! Где отец Эйден?

Гертруда, не поднимая головы от кастрюли, махнула рукой в сторону комнаты.

Эмилия направилась туда, но по пути наткнулась на Айлин. Та стояла в дверях, скрестив руки на груди, и выражение её лица не предвещало ничего хорошего.

— Мисс Хоторн, — произнесла Айлин ровно. — Вы сегодня рано.

— Я всегда рано прихожу! — Эмилия улыбнулась. — У меня столько энергии! А Вы, леди Айлин, наверное, устали? Выглядите бледной. Может, Вам стоит отдохнуть? Я могу заменить Вас на кухне.

— Спасибо, я справлюсь. — Айлин не двинулась с места. — Отец Эйден сейчас занят. Он молится. Не стоит его беспокоить.

— О, я не побеспокою. Я просто хочу передать ему сладости. Вы же знаете, он так плохо ест. Ему нужны силы. Особенно после всего, что случилось. — Она понизила голос. — Я слышала про того ужасного настоятеля. Это так страшно. Кто бы мог подумать! Бедный отец Эйден. Ему, наверное, нужно утешение. Женское тепло. Понимание.

— У него есть всё необходимое, — отрезала Айлин.

— О, но разве Вы можете дать ему... женское тепло? —

Эмилия склонила голову набок. — Вы, конечно, очень... деятельная. Но мужчинам иногда нужно не только дрова колоть. Им нужна нежность. Забота. Чтобы их слушали, а не командовали.

— Вы правы, — согласилась Айлин. — Мужчинам нужно разное. Но отец Эйден — священник. Ваше «женское тепло» ему неуместно.

— А Ваше — уместно? — Эмилия прищурилась, и её улыбка стала острее. — Вы думаете, я не вижу? Вы же постоянно здесь. Каждый день. С утра до вечера. Вы думаете, никто не замечает, как Вы на него смотрите?

Айлин выдержала паузу. Потом спокойно, почти лениво ответила:

— Я смотрю на него как на друга. Как на человека, которого уважаю. Если Вы видите в этом что-то другое — это Ваши фантазии. А теперь, простите, мне нужно на кухню. Дети ждут обед.

Она развернулась и ушла, оставив Эмилию стоять с корзинкой и открытым ртом.

Эйден, слышавший этот разговор из комнаты, не вышел. Он стоял у двери, сжимая чётки. Эмилия была навязчива и предсказуема. Но Айлин... Айлин была загадкой. Она сказала, что считает его другом. Но её взгляды, присутствие, готовность быть рядом каждый день — всё это не укладывалось в простую схему. «Чего она хочет? — спрашивал он себя. — Что она получит от всего этого? Должна быть причина.

Всегда есть причина».

Глава 19.

Прошло несколько дней. Жизнь в приюте текла размеренно, предсказуемо, почти мирно. Но Эйден не умел жить в мире. Тишина, наступившая после отъезда отца Исайи, не принесла ему покоя. Напротив, она наполнилась новыми тревогами, новыми вопросами, на которые он не находил ответов.

Почему Айлин всё ещё здесь? Она помогала с готовкой, с травами на огороде, с учётом продуктов, читала детям книги. Она делала всё то же, что и раньше, но теперь, когда внешняя причина исчезла, её присутствие казалось Эйдену ещё более подозрительным.

И чем дольше она оставалась, тем сильнее становилась его тревога. Он привык к тому, что всё хорошее в его жизни рано или поздно оказывалось ловушкой. Друзья предавали. Забота оборачивалась насилием. Доброта – насмешкой. Айлин не делала ничего плохого. Она не требовала благодарности, не задавала вопросов, не пыталась прикоснуться к нему. Она была безупречна. И именно эта безупречность пугала его. Потому что так не бывает. Так не должно быть. Должен быть изъян.

Эмилия после той стычки с Айлин в дверях приюта чувствовала себя уязвлённой и злой. Леди Харпер выставила её дурочкой перед священником, перед прислугой, перед все-

ми. И, что самое обидное, она была права. Эйден действительно не отвечал на её знаки внимания. Он отшатывался от неё, как от прокажённой. И Эмилия не понимала, почему. Разве она не красива? Разве не желанна? Разве любой другой мужчина не был бы счастлив оказаться на его месте? Почему же этот запуганный священник смотрит на неё как на пустое место?

Ответ пришёл к ней неожиданно. От Блэквуда. Он пригласил её в своё поместье, и она, разумеется, согласилась. Они сидели в уютной гостиной, пили вино, и Кристофер был, как всегда, обаятелен и внимателен. Он слушал её жалобы, сочувственно кивал. А потом, как бы между прочим, сказал:

— Знаете, дорогая, почему он не отвечает Вам? Дело не в Вас. Вы прекрасны. Любой мужчина был бы счастлив быть с Вами. Но он... он боится.

— Боится? — Эмилия удивлённо подняла брови. — Меня?

— Не вас. Женщин вообще. Близости. Прикосновений. — Кристофер сделал глоток чая и продолжил вкрадчиво: — С ним в детстве случилось кое-что... неприятное. Отец Исайя, знаете ли, был не только наставником, но и... скажем так, очень близким другом. Слишком близким. Вы понимаете, о чём я?

Эмилия побледнела. Она поняла, на что он намекает

— Вы хотите сказать, что это из-за него... что отец...

— Именно. — Блэквуд удовлетворённо кивнул. — Наш

дорогой отец Эйден – не просто священник. Он – жертва. Сломленный, запуганный, не доверяющий никому. Особенно женщинам. Особенно тем, кто проявляет к нему интерес. Вы для него – угроза. Не потому, что Вы плохи, а потому что он не знает, как с Вами быть.

Эмилия молчала. Её представление о священнике, набожном, скромном, не замечающем её чар, рушилось на глазах. Значит, всё это время он не был холоден. Он был искалечен. И это почему-то разозлило её ещё больше, потому что Айлин, кажется, знала. Айлин, которая всегда была рядом, которая не пыталась его соблазнить, которая не давила, она знала, как с ним обращаться. И он принимал её присутствие. В отличие от Эмилии, которая делала всё «правильно», но натыкалась на стену. Это было нечестно.

Блэквуд, наблюдая за её лицом, чуть улыбнулся. Рыбка клюнула. Теперь оставалось только направить её в нужное русло.

— Вы могли бы помочь ему, — сказал он мягко. — Он нуждается в женском тепле. В нежности. В том, чтобы кто-то показал ему, что близость – это не всегда боль. Вы могли бы стать для него спасительницей. Если, конечно, осмелитесь. Если не побоитесь конкуренции.

— Вы имеете в виду леди Айлин? — Эмилия прищурилась.

— Я никого конкретно не имею в виду, — ответил Кристофер с невинной улыбкой. — Просто наблюдение. Она

много времени проводит с ним. Даже слишком много для простого друга. Вы не находите?

Эмилия находила. И чем больше она думала об этом, тем сильнее в ней кипела смесь ревности и решимости. Она не уступит Айлин этого священника. Она добьётся его. Чего бы это ни стоило.

Несколько дней пролетели почти мгновенно. Дети болели, выздоравливали, ссорились и мирились, Гертруда ворчала на всех, включая священника, а Эйден работал до изнеможения, потому что работа была единственным, что заглушало мысли. Айлин приходила каждый день. Садилась с детьми, поила их чаем, читала книги, а когда наступал вечер, сидела на скамейке у входа и смотрела на звёзды. Она ничего не требовала. Не задавала вопросов. И это отсутствие требований бесило Эйдена сильнее, чем если бы она каждый день спрашивала с него отчёт.

«Почему ты здесь? — хотелось ему крикнуть. — Что тебе нужно? Назови свою цену!» Но он молчал. Потому что боялся, что цена окажется неподъёмной. Или, что ещё хуже, что её не будет вовсе — и тогда ему придётся поверить, что она рядом просто так, без причины. А это было невозможно. В его мире так не бывало.

Блэквуд пригласил Эмилию на чай. В гостиной потрескивал камин, на столике стояли вазочки с засахаренными

фруктами и тонкий фарфоровый чайник. Кристофер, разливая чай, говорил тихо, почти интимно, и каждое его слово попадало точно в цель.

— Он слаб, — сказал он, помешивая сахар. — Вы же видите. Он запуган. Но страх — это ключ. Если дать ему то, чего он боится, в правильной дозе и в правильной обстановке, он сломается окончательно. От желания. От всего того, что так долго сдерживал.

Эмилия слушала, чуть нахмурившись. Её злило, что Айлин, сама того не желая, оказалась ближе к Эйдену, чем она. И Блэквуд это видел.

— Айлин пытается его исцелить, — продолжал он с лёгкой усмешкой. — Но её метод — это просто присутствие. Она ждёт. А он не готов к тому, чтобы ему помогали. Он готов к тому, чтобы его добивали. Это его привычная роль. Если Вы ударите по нему правильно, в нужный момент, он рухнет. И тогда Вы сможете подобрать осколки и склеить их так, как нужно Вам.

— Но зачем? — спросила Эмилия. — Зачем Вам это? Что он Вам сделал?

— Ничего, — пожал плечами Кристофер. — Просто он — удобная цель. Уязвимая. И его падение доставит мне удовольствие. Вам — даст шанс получить его. Разве Вы не хотите стать той, кто его спасёт? Той, кто будет рядом, когда все остальные отвернутся? К тому же, я хочу поиграть и с леди Айлин. Она меня привлекает. Очень сильно привлекает.

Эмилия молчала. Но её глаза азартно блеснули.

Напряжение между Эйденем и Айлин постепенно достигло той стадии, когда молчание становится громче слов. Она сидела на скамейке, он стоял в дверях и смотрел на неё. Его мысли вертелись по привычному кругу: «Чего она ждёт? Почему она всё ещё здесь? Если бы у неё были дурные намерения, она бы уже давно что-то сделала. Но она не делает ничего плохого. Почему? Может быть, она ждёт подходящего момента. Может быть, она играет вдолгую. А может быть... нет, не может быть. Просто так не бывает».

Он едва не сорвался. Она сидела на скамейке с кружкой травяного чая, и её молчание казалось ему издёвкой. «Чего ты ждёшь? — хотелось крикнуть ему. — Уходи! Оставь меня в покое! Я не хочу гадать, что тебе от меня нужно!» Но он не крикнул. Он просто стоял в дверях, с силой сжимая чётки, и молча смотрел на её спину. А она, словно почувствовав его взгляд, обернулась и встретила с ним глазами. В них не было ни страха, ни вызова. Только незнакомая ему теплота. И это бесило. Потому что он не хотел ничего нового и неизвестного. Он хотел, чтобы его оставили в покое, к которому он привык. В одиночестве.

— Я уеду на пару дней. У отца дела в соседнем графстве, он берет меня с собой, — сказала Айлин, отпив чай. — Заодно присмотрю в их книжной лавке книги и учебники для школы.

Эйден молча кивнул.

«Вот так должно быть, — сказал он себе, возвращаясь в свою каморку. — Ты никому не нужен. Ты только цель для насмешек или инструмент для чужих игр. Привыкай». И он почти убедил себя в этом. Почти. Потому что где-то глубоко внутри, так глубоко, что он сам не хотел этого замечать, всё ещё теплилась крошечная, упрямая надежда. И он ненавидел её почти так же сильно, как самого себя.

Глава 20.

Утром Эмилия вошла в комнату Эйдена без стука. Она уже знала, что Айлин уехала и не вернётся ещё как минимум два дня. У неё было время. У неё была свобода действий. И она не собиралась упускать этот шанс.

Эйден стоял на коленях перед распятием. Его плечи были опущены, голова склонена. Он не молился, а просто стоял, пытаясь найти в себе силы для очередного дня. Услышав шаги, он вздрогнул и обернулся. Его глаза, снова красные от недосыпа, встретились с глазами Эмилии. Она улыбалась той самой улыбкой, от которой ему всегда становилось не по себе.

— Доброе утро, отец Эйден, — проворковала она и, не дожидаясь приглашения, вошла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Эйден вздрогнул.

— Мисс Хоторн, — начал он, поднимаясь с колен и отступая к стене, — я не ждал гостей. Если Вы хотите поговорить о чём-то, мы можем...

— О, я хочу поговорить, — перебила она, приближаясь. — Очень хочу. О Вас. Обо мне. О том, почему Вы так упорно меня избегаете.

— Я не избегаю Вас. Я священник. У меня есть обязанности. Я не могу...

— Не можете или не хотите? — Она прищурилась. — Вы думаете, я не замечаю? Вы позволяете ей быть рядом. Этой Харпер. Она приходит сюда каждый день, и Вы не прогоняете её. А меня Вы гоните. Почему?

— Леди Айлин помогает приюту. Она не...

— Она не пытается вас соблазнить? — Эмилия рассмеялась, но смех её был резким, неприятным. — Конечно, не пытается. Она слишком гордая для этого. А я — нет. Я не боюсь признать, что вы мне интересны. Что я хочу Вас. Что я могу дать Вам то, чего Вы, может быть, никогда не испытывали.

Она подошла вплотную. Эйден упёрся спиной в стену. Отступать дальше было некуда. Он почувствовал, как внутри у него всё похолодело, как неконтролируемо затряслись руки. Дыхание стало частым и поверхностным.

— Вы боитесь, я знаю, — произнесла она, и её голос стал ниже, интимнее. — Мне сказали. Вы боитесь прикосновений. Но это можно исправить. Я могу помочь Вам. Я могу научить Вас не бояться.

Она подняла руку и коснулась его щеки. Он дёрнулся, но она не остановилась. Её пальцы скользнули по его скуле, по шраму на подбородке, спустились на шею.

— Не надо, — тихо выдохнул он. — Пожалуйста, не надо.

— Надо, — прошептала она. — Вы сами не понимаете, что Вам нужно. Вы так сильно напряжены. Расслабьтесь. Я не сделаю Вам больно.

Её вторая рука легла на его грудь. Пальцы нашли верхнюю пуговицу рясы и начали медленно, почти лениво расстёгивать её. Эйден замер. Его глаза расширились от ужаса.

— Мисс Хоторн, пожалуйста... — его голос дрожал, тело не слушалось. — Я не хочу этого. Я не могу. Пожалуйста, остановитесь.

— Глупости, — отрезала она, расстёгивая вторую пуговицу. — Все мужчины хотят. Просто некоторые боятся в этом признаться. Вы слишком долго были одиноки. Слишком долго подавляли себя. Я вижу это. Я чувствую это. Вы нуждаетесь во мне, даже если не понимаете этого.

Она расстегнула следующую пуговицу, обнажая его худую, бледную грудь, покрытую старыми шрамами. Её пальцы скользнули по ним, и она улыбнулась.

— Видите? Вы дрожите. Это не страх. Это возбуждение. Это был не страх. Это был ужас. Но Эмилия не хотела этого видеть.

Эйден стоял, прижавшись спиной к стене, и его тело начало отключаться. Он узнал это чувство — оно приходило к нему в детстве, когда Исая запирали дверь своей кельи. Сознание отделялось от тела, уплывало куда-то вверх, под потолок, и безучастно, отстранённо смотрело на происходящее оттуда, словно всё это происходило не с ним. Он перестал сопротивляться. Его руки безвольно повисли вдоль тела, плечи опустились, глаза остекленели.

Эмилия, занятая своим делом, не замечала перемены. Она

растегнула последнюю пуговицу, распахнула рясу и провела ладонями по его обнажённой груди. Её прикосновения были жадными, требовательными, она исследовала его тело так, словно имела на него право.

— Какой Вы худой, — пробормотала она. — Вас нужно откармливать. Но это ничего. Мне нравятся такие мужчины. В них есть что-то... трогательное.

Она прижалась к нему всем телом и потянулась губами к его шее. Он не двигался. Её губы скользнули по его коже, оставляя влажный след, и она почувствовала, как он дрожит. Она приняла эту дрожь за страсть.

— Вот так, — прошептала она. — Вот видите. Это не так уж страшно. Вы просто должны мне довериться.

Её руки скользнули ниже, к поясу его брюк. Она начала расстёгивать ремень, и её дыхание стало частым, возбуждённым. Эйден не двигался. Его глаза были открыты, но он не видел её. Он видел другие комнаты, других людей. Он слышал другие голоса: мужской, масляный, вкрадчивый: «Тише, тише, я не сделаю тебе больно. Ты мой особенный мальчик» и женский, страстный, требовательный: «Тебе понравится, не бойся. Ты же не думал, что я помогаю тебе бесплатно?»

Эмилия справилась с ремнём. Её пальцы скользнули под ткань, и она вдруг замерла. Что-то было не так. Она подняла голову и посмотрела на его лицо. Его глаза были пустыми. Абсолютно, совершенно пустыми. Он смотрел не на неё, а куда-то внутрь себя, в прошлое, куда ей не было доступа. Его

тело не отвечало на её прикосновения. Он был холоден, как статуя. Как труп.

— Эй, — позвала она, и в её голосе впервые прозвучала тревога. — Вы меня слышите?

Он не ответил. Его губы беззвучно шевелились, повторяя слова молитвы. И тогда Эмилия поняла. Он сломался. Но не так, как она хотела. Не в её объятиях, не от страсти, не от желания. Он сломался где-то глубоко внутри, куда она не могла добраться, и что бы она сейчас ни делала — он не ответит. Его тело было здесь, в этой комнате, но его душа покинула его. Она могла делать с ним всё что угодно — он бы не сопротивлялся. Но именно это и делало происходящее бессмысленным. Она хотела победить. Хотела завоевать. А вместо этого она оказалась один на один с пустой оболочкой.

Она отдёргнула руки, словно обожглась. Её лицо исказилось в смеси гнева, унижения и странного, непривычного стыда.

— Вы... Вы просто... — она не нашла слов. — Вы жалки.

Она отступила на шаг, потом ещё. Он не двигался. Она схватила корзинку, которую принесла, и, спотыкаясь, бросилась к двери. Щёлкнул замок. Дверь распахнулась и захлопнулась за ней.

Эйден остался один. Он стоял, привалившись спиной к стене, с распахнутой рясой и расстёгнутым ремнём, и не мог пошевелиться. Прошла минута, две, три. Потом ощущение тела начало возвращаться к нему: сначала дёргающиеся

пальцы, потом крупная дрожь во всём теле. Он сполз по стене на пол и закрыл лицо руками. Его трясло. Его тошнило. Он чувствовал себя грязным. Таким же грязным, как тогда.

«Ты ничтожество. Ты не смог её остановить. Ты даже не попытался. Ты просто стоял и позволял ей делать с тобой всё, что она хотела. Ты заслужил это. Ты всегда это заслуживал».

Он нашарил на полу чётки. Те самые, с острыми краями бусин. И начал сжимать их, вдавливать в ладонь, чувствуя, как грани впиваются в кожу. Кровь выступила каплями, потом потекла тонкой струйкой. Боль была привычной. Она отрезвляла. Возвращала его в тело. В то тело, которое он ненавидел.

«Айлин скоро вернётся. Она увидит тебя. Она поймёт, что ты грязный. Что ты сломанный. Что ты не стоишь её усилий. И тогда она уйдёт. Как все». Эта мысль принесла странное, горькое утешение. Он ждал этого. Он всегда ждал, что все, кто был к нему добр, в конце концов уйдут. Так было всегда. Так будет и сейчас. Его руки сами собой, бессознательно, начали царапать грудь в попытке вырвать из неё застарелую мучительную боль.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.